

Денис Ахалашвили

ТЕПЛО
ЛЮБИМЫХ
РУК

Денис Ахалашвили
Тепло любимых рук

«Издательство Сретенского Монастыря»

2017

УДК 821.161.1-322.2Ахалашвили
ББК 84(2=411.2)6-44

Ахалашвили Д. Т.

Тепло любимых рук / Д. Т. Ахалашвили — «Издательство
Сретенского Монастыря», 2017

ISBN 978-5-7533-1372-0

В сборник вошли рассказы и очерки, написанные автором в разное время и по разному поводу. Особой теплотой проникнуты рассказы о детстве, где автор вспоминает своих дедушек и бабушек. Он пишет о своем духовнике схиархимандрите Власии (Перегонцеве), о друзьях, о крестнице, вспоминает Пафнутьев Боровский монастырь, где ему посчастливилось прожить год. Рассказывает о возрождении храмов, о чудесных событиях в своей жизни и жизни знакомых ему людей, о святынях, с которыми соприкоснулся. О себе самом автор пишет с подкупающей исповедальностью. И пусть рассказы и очерки разные и о разном, но их объединяет одна мысль — хорошо человеку жить, когда он с Богом. Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-322.2Ахалашвили

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-7533-1372-0

© Ахалашвили Д. Т., 2017
© Издательство Сретенского
Монастыря, 2017

Содержание

Тепло любимых рук	7
Последний день на земле	10
Снегопад	14
Чудо на Покров	16
Грузинские каникулы	19
Осел, на котором едет Христос	26
Самая звездная ночь	28
Раненный светлой стрелой	31
Гроза	34
Грузинское вино	36
Ошибся номером	40
Первая учительница	45
Крестик	47
Про духовного отца	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Денис Ахалашвили

Тепло любимых рук

Тепло любимых рук

У меня есть свитер. Из серой овечьей шерсти, с узорами на рукавах и удобным карманом, куда можно класть телефон или документы. Он теплый, но не колется. Это важно для свитера с горлом. Ему уже очень много лет, но каждую зиму я его почти не снимаю. Его можно надеть на работу, на встречу с друзьями, на вечерний ужин при свечах и «круглый стол» у губернатора. И в том, и в другом, и в третьем случае он будет отвечать представлениям окружающих о современных журналистах и не вызовет вопросов, а мне будет тепло и уютно. К нему идеально подходят недельная щетина и джинсы, что тоже немаловажно. В мире модных и стильных вещей этот свитер стоит выше статуса и стоит дороже любого бренда. В нем хранится тепло рук моих любимых бабушек: грузинской бабушки Тамары и русской бабушки Кати.

Если присмотреться к пряже, то она очень необычная: серая с черными, зелеными и красными крапинками. Такую пряжу можно встретить только в Грузии, и не где-нибудь, а в Дигоми, откуда моя бабушка Тамара. Они с дедом Мишей жили в большом доме, который сами и построили. Дом – два этажа под желтой черепичной крышей, восемь комнат – четыре внизу, четыре вверху, две кухни, большая открытая терраса с видом на сад и горы. Двор, увитый виноградными лозами, и холодный подвал вокруг всего дома, заставленный темными от времени бочками с вином, увешанный связками красного перца, базилика и чурчелы, с рядами полок с соленьями, сулугуни, ткемали, аджикой, джонджоли, вареньем из грецких орехов и лепестков роз. Здесь ни с чем не сравнимый аромат, который можно ощутить только на грузинском рынке или на кухне старого грузинского ресторана, где этот запах пропитал пол, стены и всю мебель вокруг. Он острый, волнующий и радостный. Если у радости был бы запах, она пахла бы именно так – волнующе и празднично.

Во дворе этого дома на прохладных каменных плитах лежали огромные ленивые кавказские собаки и бродили белые суетливые куры. Если вы входили в ворота, собаки даже головой не вели, но на обратном пути спокойно ждали вас на входе и без разрешения хозяина уже не выпускали. Эти лохматых ленивых собак можно было встретить в горах с отарой, которую они часто пасли вообще без людей. И попробуйте украсть у них хоть одного ягненка...

Бабушка Тамара держала с десятков овец, которые дали пряжу для моего свитера. Она спряла пряжу, уложила в посылку и отправила в Россию бабушке Кате, которая и связала свитер.

Как же они меня любили – мои бабушки! Для бабушки Тамары я был любимым первенцем, которому они с дедом завещали свой большой уютный старый дом со всеми его садами, подвалами, собаками и видами с террасы. Она была красивой и доброй, до сих пор помню ее высокую гордую осанку, большие черные глаза и бесконечную улыбку. Бабушка ни слова не знала по-русски, а я по-грузински, но это нисколько не мешало ей общаться с любимым внуком. Она усаживала меня напротив, смотрела, гладила по голове, улыбалась и приговаривала: «Руссули чемо мдзео», – что означало: «Мое русское солнышко». Я не знаю, во сколько она вставала – когда все остальные просыпались, стол со свежеприготовленной едой всегда был накрыт, – но ложилась она позже всех. Она никогда не жаловалась, всем была довольна и, сколько я себя помню, всегда работала. На ней всегда было строгое черное платье; ее красивые, цвета воронова крыла, не знавшие краски волосы всегда подколоты, из украшений – маленький серебряный крестик и старинные серебряные серьги. Когда я заставал ее на кухне, она все бросала, трепала меня по щеке и целовала в лоб. Я обнимал бабушку за шею и прижимался носом к ее груди. Глядя на нас, дед Миша смеялся и качал головой. Он считал, что бабушка меня балует, а сам украдкой давал мне сладости и деньги.

Моя русская бабушка Катя, в доме которой я рос, тоже многое умела, особенно когда дело касалось домашнего хозяйства. В этом ей не было равных. Домом она управляла, как дирижер большим оркестром, – виртуозно и величественно. Когда наша сестра Катя познакомилась с творчеством братьев Гримм и поняла, что обычной едой питаться не сможет, а только королевской, бабушка и бровью не повела. Чудесная девочка с чистыми глазами пожелала на обед шоколадный суп, мясо по-королевски и волшебные пельмени. Ведь всем известно, что короли не едят обычные пельмени, а только волшебные. И умные девочки тоже. Что бы вы ответили на такую просьбу? Бабушка ничего не сказала, а просто взялась за дело. Уже через час счастливая внучка сидела за столом и с удовольствием ела настоящий королевский обед. На первое был шоколадный суп, сделанный из вкусного и полезного какао и налитый в волшебную тарелку. На второе было королевское мясо. В отличие от обычного, это мясо готовилось с помощью специального королевского молоточка для отбивания и специальных королевских специй, а потом жарилось на специальной королевской сковородке. Как и полагалось, в конце обеда подавались волшебные сладкие пельмени – вареники со смородиной. Наши с братом просьбы о пироге из сказочных яблок или настоящем колобке были простые, как и мы сами. Яблоки нужно было собирать с деревьев в саду перед домом. Всем известно, что во время осенних заморозков они становятся прозрачно-сладкими и их волшебные свойства раскрываются с необычайной силой. Мы с братом лезли на самый верх и набирали целую корзину. Бабушка смешивала их с корицей, медом и ярко-желтым сливочным маслом в тонком тягучем тесте, которое мы смазывали гусиными перышками. От аромата этого чудесного пирога волшебники переворачивались, а мы просто падали под стол! С настоящим колобком было еще проще. Даже лазить никуда было не нужно. Нужны были грецкие орехи, мед и обыкновенная курага. Ну и, конечно, специальная круглая форма из настоящего серебра. Таких вещей у нашей бабушки было сколько хочешь, и она ими прекрасно пользовалась.

На новогодние школьные карнавалы она шила нам наряды, как на картинках в ее огромной любимой книге Александра Сергеевича Пушкина «Руслан и Людмила», которую она знала наизусть и по вечерам нам читала. Старший брат Руслан был сказочным богатырем, а я – черкесом в папахе, бурке с газырями и настоящим кинжалом. К изготовлению костюмов подключался наш дед Витя, потому что известно: кинжалы, мечи и кольчугу даже самые опытные бабушки делать не умеют. Зато бабушки умеют шить бурки, папахи и плащи, без которых даже в самых смелых битвах много не навоюешь.

Когда мне купили надувную лодку и я решил, как Робинзон Крузо, спать только в ней, бабушка не стала спорить. Только сказала, чтобы я взял два одеяла, потому что одно, по правилам путешественников, нужно уложить на дно лодки, а вторым укрываться. И тогда никакие бури и штормы будут тебе не страшны!

Она всегда давала нам бутерброды в кругосветные путешествия и не отпускала на войну без чистых носовых платков! А как она играла на семиструнной гитаре и пела! Что это были за песни! Про смелого шофера на машине по имени «АМО». В кузове этой машины загорелись бочки с бензином, и могли погибнуть люди. Много людей. Но смелый шофер, не задумываясь, сбросил машину вниз, в пропасть, чтобы всех спасти. И он всех спас. А сам погиб. Жалко его было до слез, но тут ничего не поделаешь, тут так: или ты, или люди. И, как настоящий герой, он выбрал людей.

Мы любили слушать эти песни на веранде на даче, когда нас отправляли туда во время каникул. До сих пор помню вкус варенья из одуванчиков и запах нашего тайного убежища на сеновале. И ее маленькие сухие узловатые белые руки, которые так часто гладили меня по волосам.

Бабушка Катя умерла на восемьдесят третьем году жизни на Покров. Она знала, что умирает, и была совершенно спокойной. Только переживала, что доставляет нам столько хлопот. Ее постоянно причащал мой друг отец Олег. Когда было солнце, мы шли с ней в сад под яблони, и она подолгу смотрела на осенние цветы и улетающих на юг птиц. За день до смерти, не сговариваясь, все родные собрались у нас дома. Тетя Галя с Катей приехали на машине из Уфы. Руслан – из Екатеринбурга. Мы с братом Ильей – тоже. Бабушка называла всех по имени, гладила по рукам и улыбалась. Радостная была, как именинница. Тетя Галя и Катя – врачи – говорили, что кризис миновал и она идет на поправку...

Утром меня разбудила мама и сказала, что бабушки не стало и нужно позвать отца Олега отпевать. Я зашел в ее комнату. Она совсем не была похожа на мертвую. Лицо спокойное, светлое, с тихой улыбкой в уголках губ, словно ей снилось что-то хорошее. Я поцеловал ее в лоб и поехал в храм. Наступил Покров.

Последний день на земле

Это был его последний день на земле, и он догадывался, что когда-то он наступит, но, как и все, старался об этом не задумываться. И вот этот день настал. Он поцеловал спящую жену и, стараясь не шуметь, вышел из дома. Ночью выпал первый снег, и уже на веранде все было залито ослепительным белым светом, от которого в детстве он бежал на улицу, чтобы кидаться снежками и радоваться, вдыхая этот ни с чем не сравнимый запах неожиданно свалившегося на тебя счастья. По скрипучим некрашеным доскам он спустился с веранды и вышел в сад. На самых верхушках яблонь еще висело несколько красных яблок, которые они оставляли специально для зимних птиц, прилетавших из леса полакомиться их сладкой мякотью. Когда-то он тоже любил их вкус. Когда приходили первые морозы, они с братом собирали эти пахучие подмороженные яблоки, из которых потом бабушка пекла невероятно вкусный пирог с тонкой золотистой корочкой и домашним сливочным маслом, которого чем больше кладешь, тем вкуснее становится. Она была мастерица, их любимая старая бабушка, многое умела, и многое знала, и брала своих внуков в такие места, от которых у вечно занятых родителей только рты открывались.

Например, бабушка водила их на похороны. Когда ее знакомые умирали, бабушка обязательно туда ходила, наряжала внуков в чистые рубашки, причесывала и брала с собой. Если умершие были христианами, она всегда спрашивала, когда будет священник, и на отпевании стояла всю службу на ногах и украдкой плакала, а потом записывала имя покойного в специальную старенькую тетрабочку, которую постоянно носила с собой, чтобы, как она говорила, «помянуть этого человека у Бога». Что это значит, они с братом понятия не имели, но, судя по бабушкиному сосредоточенному, спокойному виду, это было что-то важное и нужное, вроде заготовки варенья на зиму. Если человек был некрещеный, бабушка сильно расстраивалась, качала головой и садилась где-нибудь в углу, с краю, чтобы потом, когда начинались поминки, быстро оттуда уйти. Они не понимали, зачем нужно уходить, когда все вокруг собирались угощать тебя конфетами и яблоками, а бабушка потом шла по улице и всю дорогу бурчала под нос,

что вот человека живьем закапывают, а потом еще и пляшут у него на могиле. Молиться надо за умерших, а не конфеты есть! – говорила бабушка и вела их в храм, ставить свечки за деда.

Дед был ветераном войны, инвалидом, как говорила бабушка, – «изрубленный» под Берлином, поэтому умер, когда мы были совсем еще маленькими. Дед был героем Великой Отечественной войны, и бабушка так интересно про него рассказывала, что они его любили и очень гордились. Однажды зимой они остановились у реки возле их дома, и бабушка сказала, что для того, кто в Бога не верит, смерть будет как эта замерзшая река, которая никогда не растает, а будет до скончания века маяться ото льда и морозов. А тех, кто Бога слушается, Христос поцелует в темечко, и тогда они сразу растают от счастья и для них сразу настанет вечное лето. «Вы любите лето?» – спрашивала их бабушка, а они только переглядывались и смеялись. Ну какой дурак не любит лето, когда бабушка увозит их на дачу и там ты купаешься до упаду, загораешь и объедаешься клубникой?

Она всегда была веселой и бодрой, их дорогая бабушка, и, когда умерла на Покров, никто из домашних не поверил. Наступил ее любимый праздник, и когда мама пришла ее будить, даже не поняла, что бабушки больше нет. Хотя в последнее время она сильно болела, никогда не жаловалась и каждый раз, как приходила из Церкви, куда любила ходить пешком, выглядела как именинница. Она лежала какая-то радостная и светлая, и совсем не была похожа на труп, а просто на любимую спящую бабушку, которая немного полежит и пойдет печь их любимые оладушки. Он помнил, как приехал священник, отец Олег, и все кругом плакали, а он смотрел на бабушку и не плакал, и даже не собирался, потому что точно знал, что она живая где-то там, и ей сейчас хорошо. Просто знал, и все.

Когда он вырос, то тоже несколько раз умирал, но совсем не так, как бабушка, а тяжело и страшно. Это только кажется, что смерть залезает, как ночной вор, через трубу дымохода, чтобы украсть подарки из-под елки, пока все спят. На самом деле, чтобы она пришла, нужно просто перестать любить жизнь, и тогда она тут как тут. С ним она была не ужасной теткой с косой, а очень даже веселой и все понимающей собеседницей. Когда женщина, которую он любил, ушла, и на этот раз навсегда, он оказался на мосту, просто стоял и смотрел на проезжающие внизу машины, а смерть тихо шептала через плечо, чтобы он бросился вниз, потому что это мужественно и красиво. Он не понимал, что красивого в его разлетающихся по асфальту мозгах, и смерть не стала спорить, а просто хмыкнула, как хмыкают девушки при виде труса, но, в отличие от них, не убежала, а пошла с ним в старый заброшенный дом, пить виски из горлышка. После второй бутылки Black Label в холодном зимнем подъезде смерть жадно обхватила его своими костлявыми руками и стала целовать горячий лоб и замерзшие пальцы, и тогда он как подкошенный упал вперед лицом на грязный бетонный пол. От ее поцелуев пальцы стали холодными и мертвыми, а из разбитого лба по ступенькам хлынула кровь. Но бабушкина молитва оказалась сильнее ее ледяных объятий, откуда-то появились случайные прохожие, которые вызвали «скорую», и его отвезли в реанимацию. Отмороженные пальцы удалось спасти, но они навсегда потеряли чувствительность. И всю жизнь он носил их, как раб носит клеймо, и никогда не любил гладить этими бесчувственными пальцами жену по волосам, а просто обнимал и зарывался в них лицом.

В церковь после того случая он тогда не пошел, хотя и собирался, а пошел после страшной аварии, когда они с другом должны были погибнуть, но чудом спаслись. У друга был день рождения, они отдыхали на турбазе, а потом поехали к знакомым грузинам в кафе за шашлыками. Был жуткий ливень, их ждали гости, и поэтому они летели по трассе чуть больше ста сорока. На обгоне на выстрел лопнуло переднее колесо, и, если бы не реакция друга-спортсмена, они бы улетели напрямик под КамАЗ с кирпичами, ехавший навстречу. Но было еще кое-что, о чем он никому никогда не говорил. За полгода до этого он побывал в одном подмосковном монастыре, где познакомился с духовником обители, который непонятно зачем дал ему молитву водителя. Машины у него тогда не было, и он образку с молитвой обрадовался, потому

что это был очень многообещающий подарок. Но вместо нового автомобиля случилась жуткая авария, они улетели в кювет, несколько раз перевернулись и остановились на крыше в паре метров от огромной сосны. Джип разбился в лепешку – а на них ни одной царапины, и все водители на трассе потом качали головами, не верили и говорили, что они родились в рубашке.

По всем законам физики они должны были погибнуть, а они сидели в кафе на летней веранде и ждали кофе и штрудель. «Ты не находишь это странным?» – спросил его друг и невестело засмеялся. Хотя на веранде светило жаркое солнце, ему вдруг тогда стало невыносимо холодно и одиноко. Сердце словно сковало тяжким могильным холодом, улыбающиеся веселые люди вокруг стали походить на силуэты из театра теней, глядя на которые ему захотелось закричать от ужаса. В этом счастливом солнечном мире он вдруг ясно, до дрожи почувствовал себя совершенно чужим, словно бы подглядывал за ними откуда-то из-за шторы. Каждый теперь был сам за себя, прятаться за слова было бесполезно, потому что, когда ты должен был умереть час тому назад, все это стало неважным. Он всегда, еще с детства и походов с бабушкой по похоронам, усвоил, что важно. Простился с другом и поехал в церковь, потому что если бы он туда не поехал, то, наверное, сошел бы с ума. В храме смерть осталась за порогом, там было легко дышать, и он просто стоял перед иконами и наслаждался покоем. Тогда в храме он почему-то подумал, что все в жизни пошло как-то совсем не так, как он планировал, и когда-то был не угрюмым и раздражительным, а очень добрым и веселым человеком, который первым бежал за водой с большим бабушкиным ведром и радовался, когда удавалось принести, почти не расплескав. Он почему-то вспомнил, как часами мог сидеть с котом на окне, смотреть на дождь. А сейчас дождь вызывал у него только тоску и глухое раздражение.

От этих мыслей ему захотелось вернуться в храм в воскресенье. Но в воскресенье была дача, а потом поездка к теще, и снова дача. Ослик снова побежал за морковкой и потянул за собой воз бесконечных проблем и суеты, и даже когда оказался в подмосковном монастыре, на вопрос духовника, почему он не выучил молитву, пожал плечами и сказал, что за рулем был не он. «А кто будет молиться, если твой друг вообще никаких молитв не знает?» – топнул ногой рассерженный батюшка, а он только глупо улыбался и пожимал плечами.

Батюшка потом добавил, что если станет молиться за него сутками, и все святые будут молиться, а сам он ничего делать не будет, то все это бесполезно. Думаешь, прибежал, записки написал, свечи поставил – и готово дело? Дальше все само собой образуется? Как бы не так! Больше всего на свете Бог ценит твою свободу и ни за что ее не нарушит. Понимаешь ли ты это, бедный человек? Самому нужно о себе заботиться – иначе никак!

Самое страшное, что он потихоньку свыкся с этой бесконечной суетой и уже не делал попыток что-нибудь изменить. Но иногда по ночам, когда все в доме спали, к сердцу подкатывала необъяснимая тоска, и тогда он смотрел невидящими глазами в темный потолок, вспоминал улыбающуюся бабушку у замерзшей реки.

А сейчас он стоял в заснеженном белом саду, смотрел на красные яблоки, говорливых синиц и улыбался. Этой ночью он твердо решил, что это будет его последний день на земле, и ему не хотелось сейчас никуда бежать, спешить и суетиться, а хотелось впитать каждой клеточкой всю эту красоту и сохранить в сердце. В это утро он знал, что не было ничего важнее пронзительного голубого неба над головой, сверкающего первого снега и веселых копошащихся синиц на верхушке яблони. Он улыбнулся, глядя на солнце, и вернулся в дом. Там все уже проснулись, и, может, впервые за много лет он начал с жадностью расспрашивать обо всем, чем жили его домашние, а потом приготовил любимый всеми зимний салат, который от него ждали только по праздникам. В этот последний день ему хотелось выплеснуть на них всю любовь, что сжигала сейчас его сердце. Но он резал салат, улыбался и молчал, наслаждаясь каждой отмеренной ему минутой.

Поздним вечером, когда дети уснули, он лежал в темноте и слушал, как жена засыпает, боялся пошевелиться, чтобы ненароком ее не разбудить, и чувствовал невыносимую нежность

каждой клеточкой своей души. «Спасибо, Господи, за этот день!» – сказал он и закрыл глаза. Завтра настанет новый день. Новый последний день его жизни на земле.

Снегопад

Говорят, когда отрезают руку, отрезанное место потом болит. Когда она ушла, у него тоже нестерпимо болело, и не где-то там – все его существо было объято сжигающим холодным пламенем, от которого хотелось кататься по полу и кричать. Он стоял в храме, где они когда-то повенчались, и вместо тысячного «почему?» и «за что?» словно чужими глазами смотрел, как идет вечерняя служба, и злился. Сил молиться не было, да он и не собирался. Разве может быть от любви так больно, а если может, то с него хватит! Если Ты заранее все знал, зачем Ты так со мной? И, понимая бессмысленность этого вопроса, от жалости к себе ему хотелось заплакать. Но он с детства усвоил, что мужчины не плачут, и теперь просто хотел стать маленьким железным шариком, закатиться куда-нибудь в щель в полу, чтобы никто не видел его мокрых глаз и все о нем позабыли...

К концу службы он взял себя в руки, подошел к Распятию, склонившись, поцеловал место, где гвозди пробивали ноги Христа, и прошептал: «Верую, Господи, помоги моему неверию!» Когда он вышел из храма, на улице стемнело, был снегопад. Пушистые комья тяжелого снега падали с темного неба, залепляя глаза, мешая дышать и покрывая все вокруг зыбкой белой мглой. Все исчезло и растворилось в этой мгле, и он брел по снегу, как одинокий путник по заснеженному полю, которому нельзя останавливаться и нельзя сбиться с пути, потому что никто не поможет.

Когда-то он любил этот снег, меняющий знакомые улицы, словно по волшебству, когда они гуляли, взявшись за руки в этой снежной сказке, и она была принцессой, а он – добрым охотником, который спас ее от ужасных ледяных тварей. Он целовал снежинки на ее волосах и до сих пор помнил, как они пахли, а она прижималась к нему всем телом и гладила его по лицу своими маленькими тонкими пальцами. В эту минуту, спрятанные под теплым снегом, они были одни в целом мире, и не было в нем ничего, кроме их сердец, громко бившихся в унисон.

А потом наступили будни, и сказка закончилась. Романтики становилось все меньше, а забот все больше, и все, что когда-то будоражило и волновало кровь, вдруг стало обыденным и скучным. Умные люди советовали повенчаться в церкви, потому что тогда две души стано-

вятся одним целым и благодать одна на двоих. Они забыли добавить, что и все остальное тоже будет одно на двоих и этого остального станет гораздо больше. Женатые друзья говорили, что счастливый брак – это ежедневная кропотливая работа, а он морщился и отвечал, что работы ему в жизни и так хватает. И, может быть, все как-нибудь бы и устроилось, но неожиданно для себя он познакомился с девушкой, все быстро закрутилось, а потом жена уехала шить к маме шторы, а утром позвонила и сказала, что больше не вернется.

И сейчас он брел по заснеженной пустынной улице к дому, где его никто не ждал, и тихо ненавидел этот снег, от которого горечь одиночества становилась еще сильнее. Когда наконец он добрался, то увидел во дворе дворничиху, которая, несмотря на снегопад, мела перед домом. Пока она выметала снег в одной стороне, другую быстро засыпало, и она снова переходила к началу и спокойно продолжала свое дело. Это было так бессмысленно, что он не выдержал, подошел и спросил: «Зачем вы это делаете? Зачем зря тратите время? Снова же все заметет!» А она улыбнулась и ответила: «И пускай заметет, я снова уберу! С тех пор как я мужа схоронила, живу одна – чем дома сидеть, поработаю лучше!» Пустынная улица. Метет снег. И маленькая женщина борется со снегопадом и одиночеством в своей душе.

Это было так естественно и просто, что он ею залюбовался, смотрел во все глаза и не мог оторваться. Что-то хорошее, радостное и доброе коснулось его сердца, а все, что давило, жгло и терзало, вдруг исчезло, растворилось и пропало, словно наваждение. Никогда еще он так не хотел увидеть свою жену, как сейчас. Рассудок пытался что-то возразить, но сердце пело, трепетало и требовало увидеть ее, и, не в силах больше сдерживаться, он со всех ног бросился со двора к стоянке ночного такси.

Чудо на Покров

Моя крестница Вероника – девушка взрослая и довольно успешная. Ей уже десять, она учится в четвертом почти на одни пятерки, лучшая в художке и по английскому не особенно отстает. А в храм еще не получается постоянно ходить. Там надо стоять, слушать, а прыгать и играть совсем нельзя. Поэтому, когда я звоню ей и спрашиваю, пойдет ли она со мной в воскресенье на службу, чаще слышу отрицательный ответ. Я не хочу на нее давить и поэтому вожу ее раз в месяц – когда исповедуемся и причащаемся. И то морщимся и глаза закатываем. Но на престольный праздник нашего родного Покровского храма, где мы с ней крестились, мы идем без обсуждений. Я родителей крестницы заранее предупреждаю, чтобы к моему приезду они ее подняли и приготовили. Утром приезжаю, звоню в дверь – спят как убитые. Ездили куда-то в гости и вернулись часа в три ночи. Жалко? Конечно, жалко! Но надо вставать. Вероничка, солнышко, вставай! Дочь с закрытыми глазами машет на нас с мамой рукой:

– Оставьте меня, пожалуйста, оставьте! Я никуда не могу идти. Вы разве не видите, что я сплю?

Видим, но надо на праздник. И мама у Вероники такая, что с ней лучше не спорить. Ни бодрому, ни во сне. Она поднимает дочь, ведет за руку в ванную и ставит под душ. Пока Вероника одевается, заваривает нам чай с земляникой и делает бутерброды. Когда мы выходим, солнце уже светит вовсю. Обычно в это время уже холодно и лежит снег, а сейчас тепло как летом.

По дороге в храм крестница спрашивает:

– А причащаться сегодня будем?

– Здравствуйте, приехали. Ты готовилась?

– Нет.

– И я нет. Как же мы будем причащаться?

– А-а-а.

Молчит минуту. Потом снова:

– А причащаться будем?

– Вот у тебя недавно день рождения был – вы с мамой праздничный обед готовили, разные вкусные угощения, прибрались везде.

– Ну да. Гости пришли все нарядные, умытые, с подарками.

– А кто бы их пустил без подарков! А представь, если бы кто-то пришел грязный, наглый и без приглашения и, не разуваясь, сразу к столу и давай все самое вкусное в рот пихать.

– Я бы его выгнала.

– А как мы грязными, неумытыми к Чаше подойдем?

Вероника вздыхает.

На нашем храме – новые позолоченные купола. На солнце они так сверкают, что глазам больно. Смотрит на них восторженно.

Вероника с одноклассником Максимом и его братом Ярославом (храм Покрова в Камыш-лове, 2013 г.)

– А они правда из золота?

– Правда.

– Класс!

– А давай придем сюда с красками и мольбертом и я их нарисую.

– Давай придем.

В храме мы стоим прямо перед амвоном, чтобы все было видно и слышно. Вероника наблюдает за мной и повторяет. Я крещусь – она крестится. Я кланяюсь – она кланяется. Я знаю, что ей тяжело стоять, но виду не подаю. Вдруг она меня за рукав тянет и показывает на одного мальчика, который ведет за руку какого-то малыша. Ее глаза становятся круглыми.

– Это мой друг Максим! А это его брат Ярик!

Одноклассник Максим тоже видит подружку и начинает радостно улыбаться. Но сначала обходит с маленьким Ярославом иконы и только потом к нам. Друзья счастливы – готовы

до потолка прыгать. Стоят, улыбаются. Крестятся, кланяются, в глазах искорки. На крестный ход берутся за руки и бегут впереди всех. Когда отец Максим начал всех кропить водой, они чуть в чашу к нему не залезли. Довольные!

После службы оказывается, что нам в одну сторону, и мы все вместе идем по городу. Вероника с Максимом впереди. Мы с мамой Наташей и маленьким Ярославом в коляске – сзади. Разговорились. Наташа водит детей каждое воскресенье уже три года подряд. Работает фельдшером на «скорой». Муж православный, но в церковь не ходит. А она ходит. На вопрос «почему?» смеется и говорит, что по-другому не может. По дороге дети заводят нас в зоомагазин, чтобы посмотреть на крабов и змей. Потом мы покупаем мороженое, пьем сок и просто радуемся. Глядя на нас, даже серьезный Ярослав начинает улыбаться. Мама говорит, что это что-то удивительное, чтобы он чужим радовался.

Дома Вероника спрашивает у меня:

– Можно я открою тебе секрет?

– Давай.

– Я когда на службе стояла, у меня так живот болел – думала, умру! А как Максима увидела – сразу прошло.

Потом обнимает меня за шею и шепчет на ухо:

– А давай будем каждое воскресенье в церковь ходить. Давай, а?

Грузинские каникулы

Когда я учился в школе, то каждое лето ездил к дедушке Мише и бабушке Тамаре в Грузию в Дигоми, где у них был большой дом, в котором прошли первые два года моей жизни. Он стоял на склоне горы, на котором раскинулся большой сад. Прямо у террасы под крышей из желтой черепицы, увитой виноградной лозой, росли кусты роз, персики, гранаты и грецкие орехи. Внизу, насколько хватало глаз, вдоль ледяного ручья тянулись виноградники, яблони, груши, инжир с утонувшими в них озерами теплиц, где зрели тонкие длинные огурцы и огромные сладкие помидоры, которые у нас в России называются «Бычье сердце». На другой стороне росли дубы, дикие сливы, кусты орешника и ежевика.

После обеда дедушка Миша выходил на террасу с большим морским биноклем, внимательно осматривал противоположный склон горы, затем карандашом делал на листе бумаги небольшие пометки. Так у нас с дедом начиналась охота за белыми грибами. Он высматривал их темно-коричневые шляпки, выглядывающие из жесткой травы, и отмечал на бумаге. Потом надевал большую темно-синюю кепку, закрывающую его худое загорелое лицо с острым носом, рубаху-ковбойку, брал плетеную корзину и звал меня. Мы спускались по дорожке из камней через сад, переходили по камням на другую сторону ручья, который под горой превращался в звонкую речку, и поднимались на противоположный склон. По одному ему понятным приметам дед безошибочно находил места, где заметил грибы. Я пробирался через кусты, срезал большой красивый белый гриб и продирался обратно. Обычно грибы росли поодиночке, иногда по двое. Когда я осматривал все окрестные кусты, мы шли к следующей отметке в дедовой карте.

Лазить по заросшим дикими деревьями и колючками горам – совсем не то, что ходить по березовому перелеску где-нибудь в средней полосе России. Там были бабушки и тетки, младшая сестра Катя, от которой ни на шаг, а здесь младших сестер не брали, зато брали морской бинокль и карту, а это уже было настоящее приключение. Когда солнце вставало прямо над головой, мы устраивали привал в тени большого дуба возле шумной горной речки, дед доставал из корзины литровую бутылку молодого вина, сыр, помидоры и свежий лаваш. После

обеда он отдыхал тут же под деревом, а я шел купаться. Вода была ледяная, так что дух захватывало. Но как здорово потом растянуться на большом горячем камне посреди бурлящего потока, слушать журчание воды и смотреть на маленьких радужных форелек и ярких речных крабов!

Если корзина переполнялась, дед связывал у рубашки рукава, получался приличный такой мешок, куда можно было класть грибы. Когда мы возвращались, бабушка Тамара махала нам рукой с террасы и смеялась: «Дед снова в майке возвращается – значит, опять много грибов нашли!»

Когда деду было не жалко меня будить, он брал меня в сад. Сам он привык вставать рано, часов в пять утра, а меня будил около семи. «В конце сада у нас две сливы вкусные растут, пойдем собирать!» Обычно я видел сливы только осенью, когда мама приносила их в маленьком пакете с рынка, где они продавались за большие деньги. О, сливы! О, собирать! Я радостно хватал корзину и бежал со всех ног. Ну откуда я мог знать, что сливы растут не только на кустах, но и на деревьях? Деревья были большими, с толстыми узловатыми ветками, сплошь синими от слив. У них был медовый солнечный вкус, и первые пять минут ты ел их одну за другой и был не прочь остаться под этим деревом навсегда, а к вечеру сидел ошалевший от усталости и жары, глядя на ряды корзин, и думал: «Видеть их больше не могу!» Потом эти сливы раскладывали сушиться на террасе, и из них получался лучший на свете чернослив, а из других бабушка варила в большом чугунном котле невероятно вкусный соус ткемали.

У всех в округе были большие сады. Как-то раз с соседскими мальчишками мы устроили на один из них набег. И не спрашивайте почему. Так надо. Сначала ты играешь в футбол и разведчиков, лазишь по горам и купаешься в ледяной горной речке, а потом идешь брать штурмом первую попавшуюся крепость или чужой сад. Если ты настоящий джигит, конечно, а не сопливый мальчик, место которому возле бабушкиной юбки. Настоящий мужчина всегда идет первым и лезет на самый верх огромной старой яблони, куда и смотреть-то страшно. Когда хозяин сада, дедушка Ваню, выходит на шум, все мальчишки убегают, а я остаюсь один на вершине. Дедушка Ваню кричит снизу: «Бичо, гжи хар?» – что значит «Совсем дурак, да?» – а я сверху отвечаю по-русски: «Дедушка Ваню, простите, но я по-грузински не понимаю!» Спускаюсь с яблони и, пряча глаза, начинаю объяснять, что меня зовут Бесо и я приехал к деду Мише и бабушке Тамаре из России. Он слушает меня и начинает улыбаться: «Бесики, вах, какой ты стал большой и сильный мальчик! А ты помнишь, как я тебя на руках держал, когда ты вот такой малюсенький был?» Целует, треплет по щеке и смеется в усы. Затем берет под навесом большую плетеную корзину и ведет меня туда, где растут самые большие и вкусные фрукты. Срывает солнечные пушистые персики, фиолетовый спелый инжир, ароматные прозрачные груши и виноград. Когда корзина напояется, ведет меня в дом, зовет бабушку Марико, и пока та тискает меня, как какого-то первоклассника, уходит куда-то и возвращается с большой бутылкой вина. А это для дедушки Миши от дедушки Ваню!

И вот неудачливый Робин Гуд возвращается домой с огромной корзиной фруктов и бутылкой вина, бабушка разводит руками, но, поскольку с русским внуком может объясняться только жестами и улыбкой, правды добиться ей не удастся. На шум прибегает двоюродная сестра Тина, она уже все откуда-то знает, быстро начинает тараторить и хихикать, как это умеют только младшие сестры. В отличие от бабушки, она прекрасно говорит по-русски и немедленно начинает изображать взрослую. Складывает руки на груди и, делая большие круглые глаза, строгим голосом спрашивает: «Бесики, зачем ты залез к дедушке Ваню в сад? Разве тебе своих фруктов мало?»

Невыносимо хочется дернуть ее за косичку, но ты сидишь с непроницаемым гордым лицом и молчишь, разглядывая узоры на скатерти. Мужчина может только победить или проиграть – третьего не дано. Сегодня ты сражался, но проиграл – и остается только героически умереть. Или получить дедушкиного ремня, что, в общем-то, одно и то же...

А дедушка Миша никогда не ругал внука. Дед мне доверял. Но вопросы воспитания решал куда лучше маститых педагогов и психологов. Дед спокойно выслушивал бабушкины причитания, качая головой, затем позвал меня: «Мальчик! Вы с отцом собирались в выходные на стадион (это был матч между московским «Спартаком» и «Динамо-Тбилиси»), но, видимо, тебе больше нравится лазить по чужим яблоням, чем смотреть большой футбол, поэтому я попрошу, чтобы он тебя не брал, пока ветер из головы не выветрится». Надо было видеть мое лицо в этот момент, когда я только вчера показывал деду календарь чемпионата и купленные отцом билеты на матч. Билеты на лучшие места, между прочим...

Когда до меня дошел смысл сказанных слов, небо обрушилось на землю, и перед моими потрясенными глазами встал весь ужас совершенного мною поступка. Плакать было бесполезно, стало бы только хуже. Зато этот урок я запомнил на всю жизнь.

А дед как ни в чем не бывало шел в подвал, наливал из бочки золотистого семилетнего вина для дедушки Ваню, потом шел на пасеку за невероятно пахучим медом для бабушки Марико и отправлял меня к ним с ответными дарами. Он был мудрый и добрый, мой грузинский дедушка Миша. Дед хотел, чтобы его внук-первенец вырос мужчиной, и настоял, чтобы меня, как когда-то моего отца, с ранних лет отдали в спорт. Бабушка Тамара качала головой и хотела, чтобы я учился в музыкальной школе и стал известным пианистом, для чего было куплено старинное немецкое пианино, на котором я играл школьные сонаты и «Собачий вальс». Компромисс длился недолго: мне разрешили бросить фортепиано через год, когда я занял второе место на городских соревнованиях по дзюдо.

Денис с мамой – Верой Витольдовной. Тбилиси, 1973 г.

Моими первыми тбилискими друзьями были Славка, Андрей и Женька. Славка был белорусом, Андрей – русским, чьи предки-казаки когда-то жили в Крыму, а потом перебрались сюда, Женька – армянин, которого, как и его деда, по-армянски звали Жан. Но для нас он был Женькой – лучшим футболистом и первым заводилой в наших шалостях. Его отец был директором на большой швейной фабрике и всегда заставлял Женьку ходить в глаженных брюках и чистых рубашках, отчего тот невыносимо страдал и часто рвал их в смертельных битвах и на высоких заборах. Вместо того чтобы слушать Женькины разумные объяснения, что стрелки на брюках на войне – не главное, отец вдевал нитку в иголку и заставлял его зашивать.

Все мальчишки на свете знали, что главное на войне – это стоять за Родину и правду. Этому учили нас деды-фронтовики, и об этом читали мы в наших любимых книжках. Откуда тем наивным, солнечным мальчишкам было знать, что демократия и свобода, которая накрыла

бывший СССР, как цунами, окажется дамой ветреной, непостоянной и с легкостью будет менять фаворитов одного за другим, всегда оставаясь правой?

На моих глазах демократия в Грузии побеждала несколько раз. На одних каникулах, когда я приезжал, она побеждала под одними знаменами, в следующий раз – под другими. Первый раз – когда на смену Звиаду Гамсахурдии, оказавшемуся потом «собакой», к власти пришел кремлевский перевертыш Эдуард Шеварднадзе, предавший своих товарищей по ЦК и обрекший Грузию на анархию и нищету. При бывшем министре иностранных дел СССР разграбление одной из самых процветающих республик Советского Союза совершалось с государственным размахом: всю промышленность ломом вывозили в Турцию, в министрах ходили воры в законе, а в Тбилиси, где когда-то не было дискотек, потому что это считалось аморальным, наркотики продавались на каждом шагу.

Когда я приезжал, мои одуревшие от телевизора родственники рассказывали мне о победе над страшной русской империей, дружбе с американским маршалом Джоном Шотикашвили, скором золотом дожде с Запада и новых невероятных перспективах. Так говорили мой дядя, известный реставратор, окончивший Волгоградский университет, другой дядя, чей бизнес процветал в Тюмени, тетя-историк и родной отец, познакомившийся с моей русской мамой в Екатеринбурге, где они учились. У нас в России магазины в это время стояли пустыми, и кроме Москвы повсюду были продуктовые карточки. Здесь полки магазинов ломались от изобилия, везде висели портреты Иосифа Виссарионовича, а мои рассказы считали выдумками и кремлевской пропагандой. Все в один голос твердили о лучшем в мире вине, невероятно вкусном грузинском чае и чудесных мандаринах, на которых грузинская экономика будет расти как на дрожжах. Россия еще не знала, что она – страшная кровожадная империя, и продолжала поставлять в республику нефть, газ и электричество за копейки, пока ей твердо и решительно не указали на дверь.

Затем демократия победила с «революцией роз», когда к власти пришел незванный сын грузинского народа с американским паспортом Михаил Саакашвили, а мальчики на джипах расстреливали людей прямо на улицах Тбилиси. На вопросы о Шеварднадзе родственники дружно махали на меня руками и плевались. Свет в Тбилиси включали только утром и вечером, повсюду на балконах гроыхали генераторы, а на проспекте Шота Руставели вместо роз продавали дрова. С моим знанием грузинского на прогулки по вечернему Тбилиси меня одного уже не отпускали. Мой земляк, полковник Илья Константинович Новожилов, с отличием окончивший знаменитое Тбилисское высшее артиллерийское командное училище, откуда вышла большая часть командного состава теперешней грузинской армии, со слезами рассказывал, как соседи, с которыми он вырос в одном дворе, вдруг перестали с ним общаться, а потом начали называть русским оккупантом. Все мои друзья детства из Тбилиси к тому времени уехали. Как сказал мне отец, уехали на Родину. «Какую еще Родину? – недоумевал я. – Здесь жили их деды, они здесь родились. Здесь их Родина!» На что он ласково гладил меня по голове, приговаривая: «Чемо бичо, гижи хар!» что означало: «Мой мальчик совсем глупый».

В это время мальчик учился в Тюменском государственном университете со своим лучшим другом, тоже грузином, Георгием Хижняковым, будущим главным тренером взрослой сборной России по карате. Он подошел ко мне после вступительных экзаменов и спросил: «Тебя зовут Бесо Ахалашвили? Я тоже грузин. Давай дружить!» У нас на курсе учились две девчонки из Тбилиси (кстати, круглые отличницы), а их старшая сестра – на историческом. В ресторане дяди моего друга в центре Тюмени, за бутылкой хорошего вина (другой его дядя был мэром Казанки, что за Ишимом), наши многочисленные грузинские родственники и знакомые в один голос рассказывали глупым студентам о демократичной процветающей Грузии, на которую они почему-то любовались из глубины страшной кровавой империи.

Иногда грузины и правда ведут себя как дети. Дети не умеют любить наполовину, дети любят всем сердцем. Таких любит Бог, а враги ненавидят. Для хороших политиков грузины

слишком искренние и простодушные. Когда я выучился читать, бабушка подарила мне три книги: «Грузинские народные новеллы», по которым православие можно учить как по катехизису, роман «Бесики», посвященный грузинскому поэту и известному политическому деятелю, в честь которого меня назвали, заключившему мир с Россией на вечные времена, и «Иверский патерик» Михаила Сабинина о жизни грузинских святых. Они были плохими политиками, эти великие грузинские святые, воевавшие с Чингисханом, Тамерланом и Османской империей. Плохим политиком был царь-мученик Иверский Арчил II, который, вместо того чтобы склониться перед османскими захватчиками, выбрал смерть за Христа. Мученики князя Аргвешские Давид и Константин, великомученица царица Кахетинская Кетевани, святая мученица царица Ранская Шушаника, благоверный царь-мученик Карталинский Луарсаб, мученик князь Бидзина Чолокашвили, князь-мученики Элизбар и Шалва, эриставы Ксанские, мученик князь Константин, мученик князь Шалва, правитель Ахалцихский.

Цари и князья предпочли сытой жизни предателей мучения и смерть за Христа, Которому с детства посвящали свой род и своих детей. Современному человеку трудно такое понять: как можно отказаться от царского трона, власти и богатства ради каких-то там религиозных убеждений? Но на этих убеждениях стоит Грузия, ее менталитет и культура, и без этого ее не понять.

Мои родители венчались в главном храме страны, Светицховели, где помазывали на царство всех грузинских царей. Это было в 1972-м, когда о религии в Советском Союзе говорили только на лекциях по научному атеизму. Несмотря на официальную коммунистическую идеологию, традиции православия в старинных грузинских семьях соблюдались всегда. Все мои грузинские дедушки, бабушки, тети и дяди, братья и сестры крещены с раннего детства. Как это – грузин, и не православный? Да грузин ли он вообще? Надо видеть, как там почитают и любят священников! Если отец ехал в школу к классной учительнице моего младшего брата Мишико, то резал барана, если же ехал к священнику – резал двух. До сих пор помню разговоры за семейным столом на старый Новый год, который первый раз я тоже встречал в Тбилиси (там его отмечают, как у нас Новый). А мы в нашем храме батюшке новую машину купили! Вах, какие молодцы! Зато мы нашему – новый дом строим! Грузинский священник знает всех прихожан до седьмого колена, в каждом доме – желанный и дорогой гость, который пользуется у людей куда большим авторитетом, чем самые известные политики. Политики кому-то нравятся, кому-то нет, а священников любят все!

Как-то прочитал в газете про какого-то заморского сердобольного миллиардера, который обедал в дорогом ресторане, куда случайно зашла бедная старушка. стакан воды здесь стоил дороже, чем бабушкина пенсия за десять лет, и ей указали на дверь. Когда миллиардер это увидел, вознегодовал, приказал выпроводить всех посетителей, посадить бабушку и накормить, чем она пожелает. Эта история должна была вызвать у читателей умиление и восторги по поводу щедрости этого человека, но в Грузии за такую статью мужчине было бы стыдно. Просто накормил – что за жлобство! Не оплатил ей лечение в лучшей больнице, не нанял сиделок до конца жизни, не купил ей дом, в конце концов?! Разве такой историей мужчина может гордиться? Мой отец-работяга мог запросто отдать все деньги какому-нибудь незнакомцу, попавшему в беду, и оставить себя и молодую жену на кефире и булочках до следующей зарплаты. Его потом ругали, стыдили, вразумляли, он приходил в ужас от своих поступков и грядущей нищеты, клятвенно обещал исправиться, но всегда поступал так же. «Ну понимаете, у них дом сгорел (корова сдохла, ребенка в больницу не брали)». Зная о его безотказности, некоторые беззастенчиво этим пользовались и откровенно его обманывали. Когда оказывалось, что дом не горел, корова рожала, а ребенка вообще не было, он только вздыхал и разводил руками, но по-другому поступить просто не мог.

С отцом – Теймуразом Михайловичем Ахалашвили

Чтобы сводить жену в лучший ресторан города, отец по ночам разгружал вагоны и шабашил на стройках. А когда входил в зал, то на каждый столик покупал бутылку шампанского и букет белых роз, и только за столиком, где они с мамой ужинали в окружении музыкантов, розы всегда были алыми. Или покупал у уличного продавца тележку с эскимо, а потом в парке катил ее перед мамой, раздавал прохожим и орал на всю улицу: «Эскимо-мороженое, эскимо-мороженое!» Если денег не было совсем, мог запросто вырвать яблоню из земли и так целиком принести. Или читать под окном наизусть стихи до утра. Мама рассказывала, что память у него была такая, что, прочитав любой текст, он сразу его запоминал. Когда она готовилась к экзаменам, папа за нее все билеты учил. А потом проверял.

Вспоминаю, как однажды с отцом мы ехали из Тбилиси куда-то по дико красивой и узкой дороге, петляющей среди отвесных гор. Впереди на малюсеньком пяточке под скалой показалась древняя, покрытая мхом, маленькая часовня Пресвятой Богородицы. Отец бросает машину на дороге, потому что ее просто некуда больше ставить, и мы идем туда. Пока ходим, на дороге скапливается несколько машин. Кто-то идет, чтобы тоже поклониться святыне, остальные терпеливо ждут, пока мы с отцом помолимся и поедем дальше. Когда мы возвращаемся, ни слова недовольства, гнева или ропота. Только улыбки и понимающие взгляды. Разве можно человека беспокоить, когда он с Богом общается?

Осел, на котором едет Христос

Есть у меня в Тюмени один добрый друг – протоиерей Николай Цирке из Знаменского собора. Вот только подумал о нем – и уже хорошо на сердце. Хоть мы много лет уже не виделись, каждый день молюсь за него как за родного, а нашу давнюю встречу помню до сих пор.

Стояла поздняя осень. Дела шли хуже некуда, учебу в университете я бросил, девушку бросил, работы нет, никому не нужен, что делать, не знаю. Я пришел в Знаменский собор, потому что идти мне больше было просто некуда. С отцом Николаем мы познакомились на исповеди. Я просто подошел к первому попавшемуся батюшке и рассказал о своей непутевой жизни. Это было первый раз в жизни, когда священник надо мной плакал. Просто стоял, опустив голову, и плакал навзрыд. А потом очень настойчиво просил меня ходить в церковь. Именно так – просил. Не наставлял, не указывал, а просил. Так мы познакомились.

После исповеди отец Николай спрашивает: «Паспорт у тебя есть? Поедешь с нами в Москву!» С нами – это с группой детей из Знаменского собора и сопровождающими их лицами. Все происходило словно во сне. Отец Николай подводит меня к каким-то людям и говорит: «Возьмите у него паспорт и купите билет. Он с нами едет». Сунул мой паспорт и лучезарно улыбнулся. Так я оказался в Троице-Сергиевой лавре и у многих московских святых.

На обратной дороге, в поезде, отец Николай подошел ко мне, обнял – и вдруг у меня в руке оказались деньги. Он руки быстренько за спину спрятал и говорит: «Бери, бери! Тебе нужно на первое время! Все равно назад не возьму!» И вышел из купе.

Это был незнакомый и не близкий мне человек, который просто не мог пройти мимо, когда кому-то плохо. Потом мы вместе были у батюшки Николая Гурьянова на Залите и много где еще, но ту первую нашу встречу я никогда не забуду. И своим детям о ней расскажу.

Некоторые на эту историю покрутят пальцем у виска, а иные скажут: «Попы с жиру бесятся!» А для того потерянного, промокшего под холодным осенним дождем мальчика это был рев архангельской трубы из рая, от которого он очнулся, встал и поначалу неуверенно, но пошел к свету и Богу, встреченному в этом маленьком, худеньком священнике. До сих пор

помню слова отца Николая о священническом служении: «Священник – это осел, на котором едет Христос».

Самая звездная ночь

Ангелы любви повсюду. Даже на остановке возле больницы, где Женька со сломанной ногой ждал своего автобуса. Он приехал в больницу без талона, потому что талоны к врачу выдают в порядке живой очереди в регистратуре с шести утра, а первый автобус из пригорода шел в шесть тридцать, денег на такси у него давно уже не было. В регистратуре на это развели руками и посоветовали дождаться окончания приема, «когда, возможно, доктор вас примет». Но доктор не принял, а уехал куда-то на вызов, и теперь он стоял, опираясь на разъезжающиеся от дождя костыли, и ругался под нос. Надо же было так переломаться, что операция за операцией, и уже три месяца на костылях, работы нет, денег нет, все друзья куда-то подевались, а самое главное, когда все это кончится – непонятно! И народу вокруг – прямо трясет! Нет чтоб работать или дома сидеть, словно сговорились всем городом и притащились в больницу!

И тут он увидел Ее. Маленькая, хрупкая, с глазами, чистыми как небо. Стоило ему в них заглянуть, как он сразу забыл про уехавшего доктора, сломанную ногу, теток на остановке и дурацкое настроение. Просто стоял и смотрел, не в силах отвести взгляд. Вам бы понравилось, если бы на вас уставился незнакомый, неряшливо одетый мужик на костылях? А она только улыбнулась и опустила глаза. Скромная.

Подошел автобус, все бросились его штурмовать, и Женька тоже бросился. А когда стал подниматься на подножку, заторопился, зацепился костылем и чуть не упал. Вдруг сзади кто-то его подхватил. Он смотрит, а это та самая девушка, даром что хрупкая. Подскочила, подхватила и не дала упасть. Вы, говорит, осторожно, ногу берегите! И снова улыбнулась. Он даже растеряться не успел, какое чудо! Только выпалил: «Спасибо!» – как автобус тронулся, а девушка осталась на остановке. Он ехал, глядя в окно, и вместо серой от дождя улицы видел ее улыбку. Что-то с этой улыбкой было не так. Все кругом улыбаются, и продавщицы в магазине, и тетушки у подъезда, и просто люди на улице. Давайте мы вам двери подержим! И улыбаются. От этих улыбок Женька чувствовал себя ощипанной курицей и злился. А она улыбнулась, словно бы у него не было никаких костылей, недельной щетины и безысходности в глазах. Улыбнулась как человеку, нормальному человеку, у которого все очень даже неплохо, а будет

еще лучше! Давно с ним такого не было. Он даже с друзьями грустно шутил по этому поводу. Я, говорит, человек-невидимка и больше не отражаюсь в глазах у девушек! Сейчас вдруг отразился, но поздно, автобус уже ушел...

А потом он неожиданно встретил ее в храме. Она пришла с какой-то женщиной и всю службу молилась. Это сразу видно, когда человек молится. Стояла, как полагается, слева, на женской половине, благоговейно крестилась, клала поклоны и, пока царские ворота не закрылись, из храма не вышла. Он крепился, стараясь изо всех сил не глядеть в ее сторону, а сердце радостно бухало в висках и кричало: «Ура! Ура!»

Но, когда служба закончилась, он к ней не подошел. Просто стоял и смотрел, как они прошли на стоянку, девушка открыла женщине двери машины, села за руль, и они уехали. А Женька вернулся в храм, поцеловал любимую икону Покрова Пресвятой Богородицы и попросил, чтобы снова ее увидеть. И святого праведного Симеона попросил. И сорок Севастийских мучеников, в храме которых ее увидел. И святителя Николая. И блаженную матушку Матрону. Да что там – всех святых попросил!

А через два воскресенья он снова ее увидел. И снова с этой женщиной, которая оказалась ее мамой, и снова не подошел. И в другой раз тоже. Потому что знакомиться с девушкой при ее маме может позволить себе какой-нибудь датский принц или владелец палатки с шаурмой, а Димка не был ни тем ни другим. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не певчая бабушка Нина. Она даром что тридцать лет, как на клиросе, – все дела в храме знает лучше настоятеля. А тут ей вдруг занемоглось. Бодрая, радостная, каждый день в храме – и неожиданно заболела. Деда своего она лет десять как уже схоронила, дом и хозяйство – все на ней. А еще службы в храме, которые по ней, как по часам, сверять можно. Вот она подходит к маме этой девушки, которая оказалась ее знакомой, и тихо так говорит: «Ты бы послала свою Оленьку ко мне по хозяйству помочь. Продуктов там привезти и так чего прибраться». Конечно, девушка к ней приехала. А там Женька. Матушка Нина тоже попросила его о помощи. Доски от старого забора в сарай прибрать, чтобы под дождем не мокли, грядки там вскопать. Полдня они трудились, помогали, а под вечер хозяйка позвала их чай пить с пирогами. Они сидели под образами, у открытого окна, выходящего прямо в сад, и слушали истории о матушкиной молодости. С ней и в храме-то не соскучишься, а уж за кружечкой чая живот надорвать можно! Оля смеялась, Женька смеялся, а матушка Нина угощала их вишневым вареньем и улыбалась в платок. Так они и познакомились.

Он шел по улице и улыбался. В голове прыгали мысли о букете из ста двадцати роз и ужине на крыше двенадцатиэтажного заброшенного санатория, куда они с друзьями когда-то лазили. Вид оттуда – не передать! Кругом огромное голубое небо с облаками, внизу лес, река и поля, и никого. На крышу можно занести стол, музыку, мангал для мяса, украсить цветами и живыми фонариками со свечками внутри и пригласить ее на ужин. Но эти глаза могли испугаться таких страстей и никуда не пойти. А этого Женька допустить никак не мог. Еще была самая звездная ночь в году, когда созвездие Персеиды приближается к Земле, и маленькие и большие звезды каждую минуту срываются с неба на радость астрономам и влюбленным. Нужно было только уговорить друзей из храма устроить поход, взять у знакомых туристов палатки, найти на реке красивое место и молить Бога, чтобы она согласилась. Да и молодой отец настоятель давно говорил, что надо почаще выбираться из храма куда-нибудь на природу.

...Место на реке было просто замечательное! Сосновый бор обрывался возле песчаного пляжа, где стояли палатки, и горел у воды костер, а Оля тоже не очень любила песни под гитару. Женька смотрел ей в глаза и пытался говорить только смешное и умное. Она слушала и смеялась, и, даже когда шутки были не очень, не показывала виду. Это было удивительно и прекрасно, но, когда у тебя самые красивые глаза на свете, наверное, такое в порядке вещей. И ему столько нужно было ей рассказать!

Они взяли ведро, чтобы принести воды из родника, но больше к костру не вернулись. Проговорили всю ночь, а когда опомнились, наступил рассвет. Они выбрались из палатки и стали смотреть на огромное красное солнце, выползающее из камышей на том берегу. Она взяла его руку и с улыбкой сказала: «Это была самая звездная ночь, что я видела!»

Раненный светлой стрелой

Говорят, в женщине должна быть тайна. Но в ней никакой тайны не было. Как только я увидел ее, то сразу понял, что все про нее знаю. И то, что я знал, было прекрасным. Ее глаза поразили меня сильнее любого нокаута. Они выпили из меня душу, отчего она стала легкой, как облачко, и полетела куда-то наверх, к небу. Я беспричинно улыбался, смотрел на парах за окно и вздыхал. Ничего себе, думаю, дела! И надо же такому чуду родиться на свет! Я слышал, что девушки бывают красивыми, но чтобы такими – никогда. С этим нужно было срочно что-то делать, иначе моему бедному сердцу конец. Оно и так билось через раз и готово было выпрыгнуть из груди, чтобы отправиться навстречу своему счастью.

Я купил букет цветов и встретил ее после пар, когда она вышла из университета. Девушка меня испугалась. Но из вежливости позволила проводить – нет, не до дома, конечно, а только до остановки. Для начала это было уже неплохо. В общагу я летел как на крыльях, а потом всю ночь глядел в потолок и улыбался. Через день я снова подошел к ней в университете и куда-то пригласил. Она вежливо и твердо отказалась и сказала, что у нас ничего не получится, потому что у нее есть парень и... Дальше я не слушал, а просто ушел. Я был уверен, что это не имеет никакого значения и все это временно. Она ведь не знала, что я ее полюблю. Мы с ней раньше вообще никогда не встречались. А то, что у девушки есть парень, так это нормально. Как говорится, нам есть куда двигаться. То, что со мной что-то происходит, почувствовала даже моя мама, которая вообще-то жила в другом городе. Она позвонила моим друзьям и сказала, что всю ночь не могла из-за меня уснуть и ужасно волновалась. Ох уж эти мамы с их чутким любящим сердцем...

Девушка цветы от меня не принимала, встреч избегала и вообще делала все, чтобы дать понять, что я здесь лишний. Через пару недель я пошел в деканат и взял у декана, с которым мы дружили, ее адрес. Потом поехал на рынок к знакомым цветочникам-азербайджанцам – у них я всегда покупал цветы. Они говорят: «Брат, дело важное, простые розы не подойдут». И принесли букет настоящей белой иранской сирени. Сирень была что надо, словно только из весен-

него сада. У нас за окном летел снег и лежали сугробы, а тут живая благоухающая сирень. Я взял огромный букет и поехал к ней.

Ее квартира оказалась на третьем этаже. Надо было видеть ее глаза, когда она мне открыла!словно чертик из шкатулки, весь засыпанный снегом, с букетом сирени наперевес стою, улыбаюсь и говорю:

– Стоял сейчас у твоего дома, смотрел на свет в твоём окне и плакал от счастья, что ты есть на свете. От моих слез выросло дерево и расцвело. Я собрал цветы и принес тебе. Не оставлять же их на морозе?

Бедные девичьи ушки, сколько в этот вечер им пришлось выслушать! Сначала она сидела напротив меня на диване, широко раскрыв глаза и сжав кулачки. Потом принесла чай. После двенадцати девушка вежливо попросила маму больше к нам не заглядывать. Я ушел около пяти утра и знал, что приду еще. На прощанье она поцеловала меня в щеку и сказала, что я знаю о ней больше, чем ее мама. Гнев сменился на милость, но не более. Как всякая умная девушка, она решила положить всех цыплят в одну корзину, а уж потом разбираться.

Второй парень никуда не делся. Это был хороший парень. Они дружили больше года. Спортсмен. Высокий, сильный. Мастер спорта по греко-римской борьбе. Звали Леха. Вот мы выходим с ней из университета, идем пешком по улице. Подъезжает Леха на новеньком БМВ. Вас подвезти? Я мило так улыбаюсь широкой улыбкой и тихо говорю, что не стоит. Он спокойно смотрит мне в глаза и уезжает. Хотя не оставляет надежды вернуться. А как иначе? Леха был хорошим спортсменом и просто так сдаваться не собирался. Только вот я был бешеной грузинской собакой. Влюбленной бешеной грузинской собакой, против которой у него не было никаких шансов. Потому что бешеные собаки не знают правил. Они живут по законам крови, где отступающих немедленно разрывают на куски и съедают. Там есть мое, снова мое и только мое, а тот, кто усомнится, сгорит в аду. Тебя этому никто не учит – это закон, по которому возвращается твоя вселенная.

Так жил мой грузинский дед Миша, который три раза сбегал из немецкого плена и вернулся, когда война уже полгода как закончилась, а на него пришла похоронка. Так жил мой отец, про которого говорили, что он мою маму просто украл, а потом венчался в Светицховели. И я тоже никому свою любовь уступать не собирался. И девушке пришлось выбирать. А что делать? Судьба у девушек такая. Когда она сказала мне, что свой выбор сделала, то пригласила меня в одно турецкое кафе, где мы закрылись в кабинке, пили горячий шоколад, ели клубничный торт со сливками и целовались. На следующий день я подарил ей сто двадцать семь ярко-бордовых роз, а через два месяца бросил.

До сих пор не понимаю, как это произошло. Ох уж этот юношеский максимализм, который не прощает жизни ее реалий, живет в хрустальном замке и дышит эфиром! Девушка оказалась из обеспеченной семьи, а я был голодным студентом, перебивающимся случайными заработками и имеющим весьма смутные планы на будущее. Куда я ее приведу? В общагу, где мы жарили бутерброды на обогревателе? Если она туфельками меня с ума сводила, о чем еще говорить? Ох уж эти туфельки! Вот я приезжаю к ней домой, а там подружка из Парижа привезла две пары босоножек. Девушка говорит: выбери, какие мне больше идут. Ну, я с серьезным видом выбираю. А потом оказывается, что она покупает обе пары и еще две на всякий случай. Потому что босоножки красивые, только что из Парижа, а сердце не камень. Я смотрю на них и чувствую себя оскорбленным до глубины души, потому что у меня не было денег даже на ярлычок от них. А нет ничего болезненнее, чем оскорбленная голодная гордость. Спросите у Родиона Раскольников. Ну откуда у студента могут быть деньги на французские босоножки? Даже думать об этом смешно. У ее папы, известного строителя элитного жилья, были на это деньги, но не у меня. И это была трагедия. Трагедией были ее норковые шубки, бриллиантовые сережки и четырехкомнатная квартира, в которой они жили. Мог ли я дать ей что-либо подобное? Конечно, нет.

И тогда я ее бросил, бросил университет и вообще уехал из этого города. Конечно, так поступают только слабаки и трусы, а за настоящее нужно идти до конца, на то оно и настоящее, чтобы за него бороться. Только ради этого, настоящего, и стоит жить, а все остальное – подробности. Но попробуй объяснить это восемнадцатилетнему студенту, в голове которого компот из Толкиена, Дон Кихота и Акутагавы и претензии на десять жизней! Вместо того чтобы жить и радоваться, он делает одну ошибку за другой и подходит к самому краю, потому что есть только жизнь, которой на все его безумные мечты фиолетово. Солнце светит, трава зеленая, и мир не будет таким, каким ты его выдумал. Он живет по своим законам, потому что это хорошие законы, которые созданы, чтобы люди жили и радовались, а то, что ты этого не понимаешь, так это твои проблемы, а никак не его.

Зато ты начинаешь понимать свое сердце, и если ты честен с собой, то оно приводит тебя в храм – единственное место на земле, где можно вернуть все на свои законные места, перестать валять дурака и начать наконец-то жить. Посмотреть, что в тебе есть хорошего, и начать с этого. А дальше – как Бог даст. И Он дает, иногда столько, что не унести, и жизнь малопомалу налаживается. Но не по взмаху волшебной палочки, а по-настоящему: с кровавыми мозолями, ошибками и слезами. Так и должно быть. Чтобы почувствовать цену счастью, его нужно прожить. Иначе никакое это не счастье, а сплошное надувательство.

Конечно, тебе больно, но это не важно. Больно – значит живой. Это только у мертвых людей ничего не болит. Мертвые, чтобы почувствовать себя живыми, ходят в бутики и гипермаркеты. А живые идут в церковь, потому что сердечную боль лечат только там. Говорят, силу врача можно оценить по болезни, которой болел, и это чистая правда. Поэтому большинство остаются здесь навсегда. Счастливые и здоровые.

Сердце, уязвленное Божией любовью, открывает заново мир вокруг. Когда за твоей спиной любящий Господь, ты становишься бесстрашным и способным преодолеть любые трудности, бегать по снегу и не проваливаться. И когда из окружающего мельтешения ты находишь одну-единственную, данную тебе Богом, чувствуешь себя на седьмом небе, и это небо становится твоим домом. Такой никогда в этом мире больше не было и никогда больше не будет. Она прекраснее Елены Троянской и умнее царицы Савской. Это не просто красивая женщина рядом с тобой – это чудо. Ты отдаешь ей себя до последней капли, и чем больше отдаешь, тем больше радости переполняет твое сердце. Исполняя закон любви, установленный Богом для людей, ты становишься причастником самой главной на свете святой Любви, которая приходит с Неба. И хотя ты большой и сильный мужчина, который любого может стереть в порошок, иногда по ночам тебе хочется плакать.

Гроза

Сашка любил грозу. Каждый раз, когда над городом сгущались тучи и раздавались первые глухие раскаты грома, он забывал обо всем на свете и бросался к окну большой комнаты, выходящему в старый, заросший сиренью, рябинами и яблонями сад. Открывал окно, быстро забирался на карниз, чтобы оттуда широко открытыми глазами смотреть, как большая черная туча накрывала город, а мир вокруг менялся до неузнаваемости.

Сначала становилось неестественно тихо, как в телевизоре, в котором выключили звук, потом на улице темнело, неожиданно откуда-то налетал ветер, поднимавший тучу пыли, от него трещали и гнулись деревья. Вдруг откуда-то из черной пустоты на землю падали редкие тяжелые капли, впечатываясь в траву, и буквально через несколько мгновений стена воды оказывалась всего в нескольких сантиметрах от карниза, мир вокруг исчезал.

В этих переменах было что-то величественное и прекрасное, отчего замирало в груди, мурашки бежали по спине и становилось радостно и страшно одновременно. Над Сашкиной головой вспыхивали белые слепящие всполохи, грохотал гром, и брызги с веток рябин сыпались ему прямо за шиворот. Долго такое терпеть было нельзя.

Сашка бежал в прихожую, хватал кроссовки, завязывал их на карнизе и, ни секунды не раздумывая, перемахивал через подоконник и прыгал прямо под дождь в сад. В одно мгновение перелезал через забор и, вдыхая полной грудью дождевую пыль, бежал со всех ног к дому лучшего друга Женьки, жившего на соседней улице.

А потом небо смотрело, как два мальчика неслись вниз по улице под теплыми веселыми струями к берегу реки, возле которой жили. По мокрой и скользкой траве они скатывались прямо на плотик, на котором в ясную погоду женщины стирали белье, а они ловили плотву и подлещиков. Большие рыбы не боялись шума от стирки, потому что своими половиками тетеньки поднимали со дна всякую муть, а вместе с ней вкусных личинок, которых большие рыбы очень любили. А в грозу женщин не было. И вообще никого не было. Только двое мальчиков, сверкающие без передышки молнии, грохочущий тысячью орудий веселый гром и теплый, как молоко, дождь. Они с разбегу бросались в воду – в одежде и обуви, снимать которые

не было никакого смысла. Гроза радовалась им сквозь раскаты грома, резвясь и играя, смывала все условности, оставив только одну пронзительную радость и невероятное чувство свободы, от которой хотелось кричать. И они кричали, но в грохоте громовых раскатов не слышали собственных голосов, отчего становилось только веселей. Сверху была вода, снизу была вода, а посередине слепящий белый свет и мальчишки, орущие от радости и бескрайнего счастья.

Вдоволь нарезвившись, гроза уходила, оставив за собой голубое прозрачное небо и умытый город, где уже завтра распустится свежая ярко-зеленая листва. В это время друзья сидели у Женьки на веранде, переодетые и тихие, пили чай, заваренный Женькиной мамой, и смотрели, как по улице несутся шумные ручьи и первые лучи солнца отражаются в их мутной беспокойной воде. Разговаривать не хотелось. Это было время, когда слова были не нужны. А о чем еще говорить, когда и так ясно, что счастье в жизни есть! А иначе зачем все это?

А потом Сашка стал взрослым, и была в его жизни другая гроза, и эту грозу он нашел в самом тихом на земле месте, какое только можно придумать, – в церкви в деревне, где когда-то жили его дед и бабушка и куда он приехал креститься. Православие только с виду кажется тихим. Но тот, кто без оглядки пускал его в свое сердце, знает, как старый привычный мир потрясался до основания, омываясь чистыми животворящими струями, падавшими из сверкающего Неба, откуда проповедовали Евангелие святые, пророки и мученики под знаком креста.

Когда он переступил порог храма, казалось, забытые навсегда детские воспоминания о замечательной жизни, свободной от серых условностей и порядков, когда мальчишками они как сумасшедшие бегали под дождем, наслаждаясь радостью и свободой, вдруг заполнили его сердце. Как тогда гроза неожиданно накатывала на сонный город равнодушного сердца, и словно гром среди ясного неба потрясали его слова молитв, происходило чудо, проливался дождь из горьких и одновременно радостных покаянных слез, от которых сердце вспыхивало дерзновением и надеждой. Его охладевший безрадостный дух вновь воспарял, плечи расправились, и все, что вчера казалось безнадежным и невыполнимым, становилось вновь важным и правильным. Жизнь вокруг снова расцветала свежими чистыми красками, и снова, как когда-то в детстве, он готов был встретить ее со всеми невзгодами и обстоятельствами, с улыбкой глядя прямо ей в глаза. Как мог, он старался скрывать перемены, происходившие в его душе, но от жены этого было не утаить. Да он и не собирался. Не в силах сдержаться от радости, переполнявшей его сердце, он подхватывал ее на руки и молча кружил посреди комнаты, млея от восторга, переполнявшего его. И только часы над камином громовым боем отмечали время отмеренного им бесконечного счастья...

Грузинское вино

Зашел в магазин одной федеральной сети и встретил там настоящее грузинское «Киндзмараули» из Тбилиси. Обрадовался как ребенок. Бутылка помахала мне с полки грузинским флагом, и я улыбнулся ей в ответ. Последний раз я покупал такое вино лет... не помню уже сколько назад! Но помню, что это было дорогущее вино из Швейцарии, которое оказалось искусственным и невкусным. Для меня, знавшего вкус двенадцатилетнего вина, которое делал мой грузинский дедушка Миша, пить такие глупые, ничтожные подделки было оскорблением.

Вино, которое я пил у деда, было из бочек, хранившихся в земле. Оно было светло-золотистого цвета, с легким кисловатым привкусом осеннего винограда. В нем и в помине не было тяжести и приторной сладости молдавских, крымских или азербайджанских вин. Оно было легким, как поцелуй ангела. И валяло с ног так же верно.

После нескольких глотков этого вина человек начинал улыбаться, после стакана – петь и узнавать во всех людях братьев, а после двух – его теряли. В самом прямом смысле этого слова. Однажды я привез в подарок своим выросшим на «кристалловской» водке друзьям два литра этого божественного напитка, забыв предупредить о его неземных свойствах. Выпив по паре стаканов, друзья напрочь забыли обо всех земных делах и пропали на три дня, оставив семьи, детей, жен, партнеров по бизнесу... Они появились у меня на пороге с дикими счастливыми глазами, требуя, чтобы мы немедленно полетели в Тбилиси к моему дедушке.

Кроме этого вина дедушка Миша из Дигоми обязательно высылал дедушке Вите, который жил на Урале в Камышлове, молодое однолетнее вино, чачу и пятнадцатилетний коньяк в грелках, чтобы, упаси Господи, не разбили. И конечно же, настоящие бастурму и сулугуни. Это было просто и мудро: все должно было быть готово к застолью, чтобы они сели к столу, подняли бокалы, выпили, закусили настоящей мужской едой, улыбнулись – и тысячи разделяющих их километров пропали бы, и остались только любовь, радость и грузинское вино на столе. Когда дедам удавалось встретиться, они устраивали такие застолья, что любо-дорого!

Мой русский дед по материнской линии, деда Витя, с шести лет ходил в поле за скотиной. С тринадцати уже работал в грузовой артели на станции. Когда началась война, ему было сем-

надцать. Отец и его старший брат, дядя Коля, ушли на фронт. Мать строго запретила ему даже думать о том, чтобы воевать. Он был за старшего, она поставила условие: обеспечить семью пропитанием (тетя Миля только родилась, тете Шуре было четыре, а тете Марии семь). Они жили бедно, и если что, просто умерли бы с голоду.

Дед устроился в колхозе помощником на комбайне. Их бригада работала день и ночь, и за перевыполнение нормы им давали зерно на руки. Ударным трудом он сумел заработать пол-амбара зерна, потом подделал свидетельство о рождении, приписал пару лет и ушел защищать Родину. Совершеннолетие дед встретил на передовой. После взрыва бомбы он стал инвалидом. Отлежал в госпитале, подлечился, окончил школу сержантов-минометчиков и снова пошел бить фашистов. Воевал в Восточной Пруссии, брал Кенигсберг. После войны был депутатом в Москве. Из столицы дед привозил мне тульские пряники в коробках и шоколадки «Аленка». У них с бабушкой, работавшей начальником цеха мороженого на молокозаводе, была простая двухкомнатная квартира в панельной пятиэтажке, которую дед получил как инвалид войны. Старая мебель шестидесятых годов, но очень чисто. А как любили собираться у них гости за столом! Пели песни, играли в покер, нарды и шахматы. До утра могли играть. К четвертому классу я с легкостью выигрывал в любую из этих игр у старших пацанов во дворе. По сравнению с компанией за столом у деда это был просто детский сад.

Дед по отцовской линии, грузин деда Миша, ушел на войну по мобилизации. В первый же год во время выхода из окружения был тяжело ранен и попал в плен. Сначала его отправили в Польшу, на завод, откуда он через полгода устроил побег. Его поймали. Вывезли в Италию. На какую-то ферму. Он снова бежал. Его поймали. И отправили в концентрационный лагерь в Германию. До лагеря он не доехал и снова бежал. Дед вернулся домой после Победы, когда на него уже пришла похоронка. Где-то в Европе он угнал отличную пару породистых лошадей с повозкой на рессорах и резиновыми колесами. На этой повозке он и вернулся домой. Сразу поехал к своей возлюбленной, с которой познакомился до войны, моей бабушке Тамаре. «Где моя невеста? Заберу ее!» Родители спрашивают: «А где жить будете?» Он им говорит: «Это наше дело». И забрал бабушку. Дед выкопал в лесу землянку, и, пока строил дом, они с бабушкой жили в этой землянке. Дед рубил в лесу дрова и возил их на повозке в Тбилиси. Ну и на разные стройки подряжался. Ему тяжело было работать – в плену его за побеги пытали, и у него на обеих руках мизинцы и безымянные пальцы остались на всю жизнь парализованными. У деда даже кличка была такая – Рак. У него были врожденные способности к языкам. Дед спокойно говорил на немецком, итальянском и польском и, когда я приезжал, проверял мои знания по иностранному. Всю жизнь проработал в больнице простым санитаром.

Дед автора Витольд (Виктор) Алексеевич Красноперов после Победы. 1945 г.

Помню настоящее «Киндзмараули», которое мы пили в Тюмени в годы студенческой вольной юности. Это вино было в зеленых бутылках с длинным горлышком и портретом Сталина на этикетке. В те времена господин Саакашвили еще сидел в американском университете за партой. Тогда портреты главного грузина всех времен и народов висели в любом тбилисском магазине и им украшали все, что только можно.

Вино под этой этикеткой было лучшим, что мне доводилось пробовать (кроме дедова, конечно). После нескольких глотков у тебя на руках набухали вены – оно было чистым и сразу же попадало в кровь без остатка. Врачи прописывали его беременным женщинам и глубоко старцам как лекарство. Если перевернуть бутылку, на доньшке плавали кусочки виноградных листьев. Ты смотрел на них и видел танцующих грациозных девушек, которые давили этот виноград своими маленькими красивыми ногами и пели красивые длинные песни.

Когда из Грузии приходили автопоезда с этим вином к нашим друзьям, мы сразу брали ящиков десять, а чего стесняться? Не было тогда лучше подарка. Разве только зеленые бумажки с улыбкой американского президента, но это уже не подарок, а взятка.

Утомленные Мальдивами и Севильями чиновники, в кабинетах которых стоял коньяк «Луи XIII» и кальвадос, потом звонили нам и просили привезти ящик, а лучше два...

А сейчас я смотрел на бутылку грузинского вина на полке российского гипермаркета и радовался. К такому вину никакого хамона или тигровых креветок не нужно. И сыра с плесенью тоже. Это вино крестьян, воинов и царей. К нему нужен хороший кусок свинины, замаринованной с крупного помола черным перцем, репчатым луком и лавровым листом. Нужен сулугуни, соленый бочковой перец, который продается на любом рынке, базилик, кинза и петрушка, горячий лаваш, спелые помидоры и настоящий соус сацебели. Старые добрые друзья и хорошее место с видом на реку. Остальное – от лукавого.

Ошибся номером

У меня зазвонил телефон. Звонил близкий друг, с которым мы давно не разговаривали. Когда я ответил, возникла неловкая пауза, а затем голос в трубке неуверенно спросил, как дела. «Ошибся номером? – засмеялся я. – Бывает!» Но трубку не положил, потому что слышать лучшего друга, даже когда он звонит и не тебе, все равно приятно. Мы начали говорить обо всем, о чем говорят близкие люди, когда долго не встречались, а потом вдруг случайно столкнулись на улице и, забыв обо всем на свете, очнулись через два часа за столиком в кафе.

Моего друга зовут Георгий, и он живет в Тюмени. Мы познакомились, когда поступали в Тюменский госуниверситет на филологический факультет, возле доски со списком поступивших на отделение журналистики. Подходит ко мне парень с ярко выраженной кавказской внешностью и спрашивает: «Тебя Бесо зовут?» Бесики – это мое грузинское имя, которым меня называют мои грузинские родственники и друзья. В моей родной школе в Камышловке такие вопросы мне задавали исключительно любители подраться. Смотрю в его карие глаза и тихо спрашиваю: «Есть проблемы?» А он вдруг улыбнулся во весь рот и руку протягивает: «А я Георгий! Тоже грузин! Давай дружить!»

Когда мы ездили всем курсом убирать картошку, в обед я тихонько уходил в ближайший лесок и там гулял, пока все не закончат есть. Я был иногородним и бедным, и если бы что-нибудь купил на обед, то остался бы без ужина. А этого допустить было никак нельзя, иначе голодным не заснуть. Как-то раз я, как обычно, пошел глядеть на березки, вдруг слышу, кто-то меня догоняет. Оборачиваюсь, а это Георгий. «Бесики, мне тут мама целый пакет еды разной наготовила, давай вместе съедем!»

О том, что он мастер спорта по карате и чемпион СССР, я узнал случайно, когда на Центральном стадионе, где мы сдавали зачеты по физкультуре, к нашему старосте Паше пристали хулиганы. Мы с Георгием пошли разбираться, и, пока я собирался с духом, мой друг за пару минут быстро и красиво уложил пятерых хулиганов на землю. Те даже испугаться не успели. На мой удивленный взгляд он просто пожал плечами и сказал, что это у него от страха: «Знаешь, как я перепугался! Совсем голову потерял». И смеется. Я с пятого класса ходил на секцию

дзюдо и занимался боксом, поэтому просто пожал плечами и сказал, что, если бы он всю жизнь играл на скрипке, я бы уважал его не меньше.

Но он играл не на скрипке, а на фортепиано. Занятия музыкой были обязательным условием, поставленным мамой, Галиной Васильевной, если он хочет заниматься карате. Когда он прибежал радостный и выпалил, что записался на секцию, она пожалала плечами и сказала: «Без фортепиано – никакого карате!» Спорить с мамой было бесполезно, поэтому ему пришлось окончить музыкальную школу с золотой медалью.

Чем больше мы общались, тем больше между нами было общего. Наши отцы были грузинами, а матери – русскими. Его отец борец, а мой боксер. Его отца посадили за то, что он был цеховиком, организовавшим подпольный завод, где рабочие получали почти по тысяче рублей в месяц, по советским временам деньги невиданные, а моего посадили за то, что он сломал нос сынку какого-то советского начальника, на глазах моего отца обидевшему девушку. В наследство от пап мы получили обостренное чувство справедливости, любовь к широким жестам, свойственную грузинским мужчинам, и полную житейскую непрактичность. Как мой отец-студент, ухаживая за мамой, мог заработать денег, по ночам разгружая вагоны, а потом прийти с ней в ресторан и купить на каждый столик букет роз, так и я, вместо того чтобы снять квартиру, ехал на рынок и покупал своей избраннице букет из ста сорока роз, специально привезенных для меня из Голландии.

В девушек мы влюблялись сразу, не раздумывая и без остатка. Первым от любви потерял голову мой друг. И как в классической комедии про близких друзей, от девушки из моей группы, с которой мы победили на конкурсе поцелуев. Как-то раз мои сокурсницы позвали меня в аудиторию, усадили на стул, а потом по очереди усаживались ко мне на колени и по очереди целовались на время. Вы бы отказались? И я нет, хотя переживал страшно! С будущей женой моего друга мы установили рекорд – семнадцать с половиной минут. Когда я рассказал о конкурсе своему другу, вместо того чтобы порадоваться, он помрачнел как туча. Спрашиваю: в чем дело? И вдруг он говорит, что влюбился в эту девушку с первого дня нашей учебы в университете! Да так, что не мог рассказать об этом никому, даже лучшему другу! Я обнял его и говорю: «Ну ты и балбес! Подумаешь, целовались! Так я со всей группой целовался! А у тебя любовь! Настоящая! Надо понимать разницу, глупая грузинская голова! Немедленно идем к ней, и ты во всем признаешься!» Когда девушка выслушала двух сумасшедших грузин, ее большие голубые глаза стали просто огромными. Они поженились, и у них родилась дочь – конечно же, я стал ее крестным.

О том, что друзей связывают не просто приятельские отношения, но и самые настоящие сердечные узы, я узнал после одной истории, случившейся со мной в университетском общежитии. Однажды после пар мы с Георгием зашли ко мне выпить чаю с пирожными, потом он побежал на тренировку в «Динамо», а я остался заниматься. Минут через десять в дверь постучали. На пороге стоял молодой кавказец с широкой грудью и словарным запасом из трех слов, два из которых ругательные. В 1990 году в нашем студенческом общежитии их жило около пятидесяти человек, возрастом от двадцати до шестидесяти. Никакого отношения к университету они не имели. Их земляк жил с комендантшей, дамой бальзаковского возраста и необъятных размеров, которая заселила общежитие всеми его многочисленными родственниками и друзьями. Они резали баранов прямо у входа в общагу, стреляли по голубям из боевого оружия, били студентов и насиловали студенток. Милиционеры, которые должны были нас охранять, бегали для них за водкой, а когда южные братья не на шутку расходились, закрывались от них на проходной. Как-то раз один горячий джигит у меня на глазах стал хватать какую-то девушку. Она плакала и просила ее отпустить, а он ее тащил и грязно ругался. А меня так родители воспитали, что девушка – это святое, а обезьянам место в зоопарке. Я как мог популярно ему объяснил, что с девушками так себя вести нельзя, он затаил злобу и стал ждать удобного случая, чтобы отомстить.

А теперь он стоял у меня в дверях и куда-то звал. Мы зашли на кухню в конце коридора. Как только я переступил порог, откуда-то сбоку мне брызнули в глаза слезоточивым газом и начали впятером бить. Я ничего не видел от боли в глазах и старался прижаться к стене, чтобы не упасть. И прыгать из окна не хотелось – кухня на четвертом этаже. Вдруг слышу шум и голос моего друга. Как вихрь он ворвался на кухню, раскидал моих обидчиков, подсечкой сбил с ног их главного, засунул ему палец в рот и стал орать, что, если они не успокоятся, их главарь будет улыбаться, как Джокер из фильма про Бэтмена.

Не ожидавшие такого поворота джигиты мигом успокоились, потому что одно дело – избивать толпой беззащитного студента, и совсем другое – драться насмерть с теми, кто отступать не собирается. Они сразу вспомнили, что все мы с Кавказа, все – братья и повели к своему авторитету, седому аксакалу, который сидел в папахе на шкурах из баранов в одной из комнат и перебирал четки. Тот сказал, что произошло какое-то недоразумение, и приказал накрыть стол в одном из лучших ресторанов города. Полночи мы сидели рядом с ним, а потом слушали тосты о вечной дружбе и нерушимом кавказском братстве.

По дороге домой я спросил у Георгия, почему он вернулся, когда опаздывал на тренировку, а он пожал плечами и сказал: «Сам удивляюсь. Представляешь, квартала три прошел, и вдруг ноги сами встали. Думаю, ты в беде. Прямо как нож в сердце! Так за тебя тревожно стало, что я бегом обратно. Смотрю, а вы тут общаетесь!»

Все клятвы «кавказских братьев» оказались черным лукавством. В одну темную ночь, когда меня в общежитии по случайности не оказалось, они в масках ворвались ко мне в комнату и избили моих друзей-однокурсников.

После этого мой друг покачал головой и сказал: «В общежитии тебе больше жить нельзя, могут покалечить, давай собирай вещи и поедem ко мне». Дома он просто поставил родителей в известность: «Это мой друг Бесики, и он будет жить у нас!» Родители ничего не ответили, а потом мама постелила мне у Георгия в комнате на диване. И следующие полтора года мы жили вместе. Зимой, когда я простывал, Галина Васильевна варила целебные отвары, поила с ложечки и не отходила от меня ни на шаг. Когда мы сдавали экзамены, кормила нас «бомбой» – смесью грецких орехов с лимоном, медом и курагой, от которой сил прибавлялось как от всех современных энергетиков вместе взятых, поила натуральным отваром из шиповника с травами и лимоном. Варила мне настоящий кофе, знала все тонкости грузинской кухни и готовила изумительные хинкали, невероятные купаты, сациви и настоящую грузинскую солянку.

Когда у моего друга появилась семья, я приезжал к ним в гости и жил иногда неделями, что, конечно же, было неправильно. Но лучшие друзья тем и отличаются от остальных, что с ними можно забыть о приличиях, потому что любовь выше приличий, а меня в этом доме любили. До сих пор помню, как ранним утром, пока все спали, в моей комнате тихонько открывалась дверь, на пороге появлялась голубоглазая крестница Настя в пижамке с медведями, поднимала руки вверх и радостно кричала: «Бо-о-о-о!», а потом залезала ко мне на кровать, и я расчесывал ее золотые волосы большим деревянным гребнем. До сих пор помню, как она просится ко мне на руки, а потом, делая большие хитрые глаза, спрашивает: «Дядя Бесики, хочешь, покажу тебе ежика?» Конечно же, я хотел, она радостно смеялась, морщила свой маленький носик и сопела, как ежики из ее любимого мультфильма. Или брала мой диктофон, обнимала за шею и, делая серьезные глаза, говорила: «Сделай со мной интер-р-р-рвью! Сделай!» Мы могли говорить с ней обо всем на свете, и иногда она поражала меня глубиной и ясностью своих суждений. Например, я спрашивал, чем отличаются злые люди от добрых. И пятилетняя девочка, ни секунды не раздумывая, отвечала: «Это же так просто, дядя Бесики! Злые люди – они жадные! Кушают, например, колбаску где-нибудь в углу, подальше от людей, чтобы кто-нибудь у них случайно не попросил, жадничают и ни с кем не здороваются. Ты подходишь и просишь: “Дай, пожалуйста, вкусной колбаски!” А они отвечают: “Это моя колбаска,

поэтому я никому ее не дам!” Никто с ними не играет, и они в конце концов становятся злыми и всем завидуют!» Сейчас моя крестница уже чемпионка Европы по бальным танцам и учится в одном из тюменских вузов.

Когда мой друг закончил спортивную карьеру, то набрал ребятшек и стал их тренировать. В Тюмени девяностых одним из самых неблагополучных и запущенных районов был «Мыс». Когда-то здесь работал большой судостроительный завод, который в девяностых закрыли. Георгий пришел в местную школу, повесил там объявление о наборе в секцию карате и набрал самых обычных школьников, из которых потом воспитал элиту российского спорта. Впоследствии двенадцать его учеников стали мастерами международного класса, членами сборной России по карате и победителями самых престижных соревнований высшего порядка, а мой друг в тридцать четыре года – самым молодым в истории советского и российского спорта заслуженным тренером России. Когда я уже был православным журналистом и редактором, то приезжал к ним на сборы, где команда России готовилась к чемпионату мира, и вечером у костра рассказывал именитым спортсменам о Дмитрие Донском, Александре Невском, Сергии Радонежском и Суворове. Спортсмены хлопали меня по плечу и говорили: «Денис Теймуразович! Вы не переживайте! Мы Родину не подведем!»

До сих пор не забуду чемпионат Европы, проходивший в Москве 9 мая, где выступали команды из сорока одной страны. На трибунах в «Олимпийском» на почетных местах сидели наши ветераны, герои Великой Отечественной войны, и смотрели, как выступала наша сборная. Надо было видеть глаза наших ребят, когда они выходили на ковер! Страшно даже подумать, какая это ответственность! Сборная России – далеко не лидер мирового карате – тогда одержала волевою победу, выиграв около десяти золотых медалей. Все плакали от счастья, гордились своей великой Родиной и целовались. После соревнований мы с главным тренером сборной поехали к президенту Федерации карате России Василию Юрьевичу Крайниковскому, легенде российского спорта, который когда-то возглавлял штурмовой отряд группы «Альфа». Во время одной из спецопераций он первым бросился освобождать заложников и был тяжело ранен, стал инвалидом и еле выжил. Хотя в его доме есть настоящий японский зал для единоборств – будокан и старинные японские мечи на стенах, главное место в нем занимают православные иконы. И сам президент Федерации карате России, и его жена, и двое сыновей – прихожане одного подмосковного храма, постоянно исповедуются и причащаются. Когда я спросил у хозяина, как могут сочетаться православие и восточные единоборства, он засмеялся, а потом серьезно сказал, что карате – это его увлечение, а православная вера – это главное в жизни.

Хотя мы с Георгием бывали на службах в Храме Христа Спасителя и Исаакиевском соборе, в Покровском монастыре у матушки Матроны и у преподобного Пафнутия в Боровске, когда я предлагал другу поговорить, почитать молитвы и каноны, а потом причаститься, он вежливо отказывался. Но Господь всегда находит путь к сердцу человека и никому не желает гибели. В жизни моего друга случилась трагедия, после которой он оказался в тюрьме. Кого-то тюрьма ломает, кого-то делает сильнее, а он встретил там Бога.

Ему на Пасху даже куриные яйца давали очищенными от скорлупы, чтобы он никого этой скорлупой не зарезал. Первое время водили в храм только под усиленной охраной. Не передавали молитвословы и Евангелие, присланные из дома, – боялись, что в них находятся зашифрованные послания с планом побега. С Божьей помощью все эти злоключения он пережил, регулярно исповедовался и причащался, и когда освободился, стал добрым прихожанином одного из тюменских храмов.

Его вторая красавица-жена и маленькая дочь ходят в храм вместе с папой, а девятилетняя Ариша, в крещении Ирина, вообще учится в лучшей в Тюмени православной гимназии, где мальчики и девочки, как и полагается, занимаются в разных классах. Георгий с женой строят в деревне большой дом и мечтают жить своим хозяйством. В этом году завели нескольких коз и купили большой трактор, чтобы землю пахать. Как-то позвонил другу, он что-то масте-

рил и говорил со мной по громкой связи. В это время подошла дочь и стала о чем-то у него спрашивать. Папа ей говорит: «Ариша, ты сама знаешь, что где лежит. Сейчас я поеду к маме на работу, а ты, пожалуйста, приготовь обед, а потом садись за уроки. Ты же у нас уже взрослая!» «Взрослая» Ариша учится на одни пятерки, сама будит папу, чтобы вместе утреннее правило читать, занимается спортом и может самостоятельно сделать уборку в доме и сварить обед. Хозяюшка!

Гимназии, храмы, посты – все это, конечно же, хорошо, но гораздо важнее, что с сердцем человека происходит. Там жизнь настоящая, и там совершается встреча человека с Богом.

Как-то раз разговариваем с Георгием по телефону, о чем-то спорим, горячимся, а поскольку оба грузины, никто уступать не собирается. И когда уже разошлись не на шутку, неожиданно мой друг говорит: «Что-то мы совсем уже того, ругаться начали! А ведь пост идет, и вообще, неправильно это – ругаться! Ты прости меня, брат, хорошо?» Растрогал меня этим своим «прости» прямо до слез. Брат во Христе.

Первая учительница

Ее звали Татьяна, и она была моей первой учительницей. Мы встретились в эту субботу на вечерне в родном Покровском соборе. Когда я ее увидел, сразу стало хорошо на сердце. И не потому, что встретились в храме, хотя и это важно, а просто я всегда рад ее видеть. Просто она моя первая учительница и всегда улыбается при встрече. Уже больше тридцати лет прошло, как она меня учила сидеть за партой, а глаза у нее все такие же добрые.

Она всегда спрашивает, когда я женюсь, а я спрашиваю, как здоровье ее мужа, доброго и улыбчивого Сергея, которого тридцать лет назад мы звали дядя Сережа. Когда он за ней ухаживал и украдкой приходил к нам на уроки, чтобы, стесняясь, дарить ей цветы, мы, мальчишки, ее ревновали, а девчонки говорили, что мы полные дураки и ничего в жизни не понимаем. Но мы очень даже хорошо все понимали, хотя виду не показывали.

Татьяна Николаевна была нашей самой первой в жизни учительницей, а мы были ее первым в жизни классом. Она пришла к нам сразу после института, и это была наша большая первая любовь, которая поразила в самое сердце и осталась на всю жизнь. А любовь на троих не делится. И за нее надо бороться. А попробуй поборись, когда он вон какой, большой и сильный, и еще с усами. И самое главное, она его любит. Мы видели, что, когда он приходил, она очень радовалась, хотя и не подавала виду, а, наоборот, делала строгие глаза и указывала на дверь. И он покорно ждал ее в коридоре. А потом они уходили, улыбаясь и взявшись за руки. А мы шли играть в футбол на школьном дворе.

Когда он сделал ей предложение, мы все очень обрадовались и поздравляли ее. Девчонки даже открытки нарисовали с какими-то слезливыми стишками: сю-сю-сю, си-си-си... А мы ничего не подарили, но всем своим видом дали жениху понять: если что, пощады не будет, отомстим. Но он ее носил буквально на руках, и нам оставалось только завидовать.

Когда она ходила беременной, с большим круглым животом, в клетчатом сарафане, девчонки сказали нам, что теперь все, нервировать ее нельзя – иначе ребенок родится нервным, и тогда нам не поздоровится. Дядя Сережа нам так наkostenяет, что мало не покажется. И нужно всю домашку хорошо делать и на уроках себя тихо вести. Вот спрашивается, мы что,

глупее вас, чтобы такие простые вещи не понимать? Но это же девочки. Пока хорошенько им не накостыляешь, ни за что не отстанут. Главное, к ней же потом и бегут жаловаться. Ну что с них взять? Одним словом, девочки.

А сейчас мы встретились в храме. Татьяна Николаевна пришла сюда не просто так, на фрески поглазеть и свечку поставить, а по серьезному делу: она собиралась первый раз в жизни исповедоваться. Всякий, кто исповедовался, знает, как это непросто в первый раз. Она очень волновалась и все время боялась сделать что-то не так. Даже сумку боялась поставить на пол, а вдруг помешает? «Не помешает!» – заверил я Татьяну Николаевну и поставил сумку рядом с собой. Она спрашивала меня о разном, и то, что она спрашивала, касалось самых важных в жизни человека вещей. Наверное, впервые в жизни я мог чем-то помочь своей первой учительнице. Это было удивительно и чудесно: учишь ты кого-то, учишь, бьешься над ним, ночей не спишь, вдалбливаешь что-то в его непослушную головушку, и вот проходит каких-то лет тридцать с небольшим, и уже он тебе объясняет хорошее и нужное, а ты слушаешь, боясь пропустить хоть одно слово. И пусть ты немного смущаешься, все равно ему веришь, потому что знаешь его как облупленного еще с тех самых пор, когда он пешком под стол ходил. Дивны дела Твои, Господи!

Хотя исповедь назначена на утро, служивший отец Далмат, узнав, что ей предстоит сидеть с маленьким внуком, сразу же согласился принять ее прямо после службы.

Принял бы раньше, но из священников он был в храме один, и это оказалось для Татьяны Николаевны благом. Будь здесь еще один батюшка, она бы быстро исповедалась и убежала. А так, неожиданно для себя, моя первая учительница отстояла первую в своей жизни вечерню. Подошла на помазание. И, может быть, первый раз в жизни спокойно помолилась. Она была покорной и смиренной. Видя ее терпение, отец Далмат допустил ее к первому в жизни причастию, а это уже серьезно. Потому что когда Христос соединяется с человеком в Страшном и Великом Таинстве, человек преображается. Тем более такой, который уже сейчас находит в своем сердце место не только для любимого внука, но и для Бога.

Светлым воскресеньем, в день святой великомученицы Параскевы, называемой Пятницей, мы с первой учительницей причастились. Когда я увидел ее счастливые глаза, просто поклонился и ничего не сказал. Теперь ей было с Кем поговорить, на Кого переложить все свои радости и заботы. Мне, впрочем, тоже.

Крестик

Свой первый нательный крестик я нашел у бабушки в коробке для пуговиц, когда еще не был крещен. Он был простой, самодельный, без всяких украшений, выпилен из расплющенного гвоздя. Крестик с первого взгляда мне понравился, я его сразу надел и решил, что никогда не сниму. Потому что, как только надел, стало так покойно и радостно, что словами не передать.

Хотя я был и некрещеный, но молитвы из старенького катехизиса читал каждое утро, а потом вообще купил маленькие календарики с иконами и сделал из них складень.

Когда мой дядя-ученый, занимавшийся изучением тяжелых металлов в каком-то большом институте, увидел на мне крест, он начал смеяться: «О, да у тебя крест поповский! А знаешь ли ты, ослиная твоя голова, что поклоняешься оружию пытки? Это в наше-то время верить в церковные сказки!» Дядя был интеллигентом старой советской закалки, сам сделал аппарат для производства живой и мертвой воды, обливался по Иванову, увлекался голоданием и ури-notерапией. Я с ужасом его слушал и был готов разреветься от обиды. Он – известный ученый, а я глупый мальчик, который считает крестик на груди своим самым дорогим сокровищем и не знает, что ответить... Но в эту секунду всем своим существом, до самой последней косточки, я вдруг ясно понял, что нет ничего прекраснее на свете, чем быть христианином. Спасибо дяде!

А спустя много лет он бросил институт и тяжелые металлы, уехал в деревню, построил дом, занялся хозяйством, крестился в ближайшем монастыре с именем Рафаил и умер глубоко верующим человеком.

Про духовного отца

Будущий духовник Пафнутьева Боровского монастыря схиархимандрит Власий (Перегонцев) родился, когда его матери было пятьдесят шесть лет. Она родила семерых, но все они, не дожив до года, умерли. Восьмой была девочка, которая их пережила. И думали, что все уже обойдется, но не обошлось. Когда малышке исполнилось два года, бабки взяли ее на улицу, где она играла, там паслась лошадь. Девочка подошла к ней. Лошадь ее лягнула по головке...

Он родился в подполе, куда его мать полезла за картошкой. Она думала картошки набрать, а раз – и родился сынок. Вся его жизнь прошла в подполье: большую часть долгой монашеской жизни его гнали и преследовали за веру. И дома он был нелюбимым ребенком. После того как отец умер, мать снова вышла замуж, отчим пасынка люто невзлюбил, называя «попенком» и «монашком». Ведь до четвертого класса его воспитывала бабушка-монахиня.

После седьмого класса он уехал из дома и начал жить самостоятельно. Стал студентом Смоленского мединститута, где учился на кафедре педиатрии. Там, в институте, он встретил свою первую большую любовь. Когда девушка узнала, что он ходит в церковь, то чистосердечно донесла на него в ректорат, и случился большой скандал. Его показательно судили перед всем курсом. Преподавателям было дано указание ставить зачет, когда он откажется от своих убеждений. От своих убеждений студент отказываться не собирался, но после предательства близкого человека и травли с ним случилось тяжелое нервное расстройство.

В себя он пришел, когда стучался в калитку дома схиеромонаха Илариона (Рыбаря), который жил в далеком Мичуринске, за много километров от Смоленска. Ноги сбиты, одежда истрепана, в глазах мука. Отец Иларион оглядел молодого человека с ног до головы и провел в дом. Его вымыли, переодели, накормили и уложили спать. Он спал беспробудно двое суток. Глаза открывает – обстановка незнакомая, одеяло из лоскутков, потолок выбеленный, как в украинских мазанках. Иконы, перед образами лампы. Тут батюшка заходит, волосы подбраны, садится на табурет возле него и говорит: «Ну что, настрадался?» Он в ответ только засопел, все слова в горле комом встали. Лежит, молчит, слезы из глаз ручьем. Батюшка ему руку на голову положил и говорит: «Ничего не говори, я все знаю. Поедешь со мной?» – «Поеду».

Хотя даже не знал, куда его зовут. Оказалось, батюшка был духовником в монастыре Флора и Лавра в Закарпатье. Туда он будущего схимника и отвез.

В Советском Союзе с поездками по монастырям было строго. Молодого человека объявили во всесоюзный розыск как опасного преступника. А он наконец-то попал туда, куда стремилось его сердце, – в монастырь. Его тайно постригли в монахи с именем Петр. Духовник строго запретил ему сообщать о своем местоположении, и он стал жить никем не признанным, на нелегальном положении, вдали от людей. Спустя какое-то время написал матери, чтобы она не искала его, так как он выбрал для себя путь служения Богу.

В великую схиму с именем священномученика Власия его постриг архимандрит Серафим (Тяпочкин) в восьмидесятом году. Это происходило тайно, власти за это преследовали. Постригая, отец Серафим сказал, что схима будет его крепостью, броней духовной от врагов. Еще он предсказал отцу Власию, что он станет духовником в монастыре и вокруг будет братия. В те времена монастырь, о котором шла речь, лежал в руинах, самого будущего духовника разыскивала милиция, и во все это верилось с трудом. Но вот уже почти полвека схиархимандрит Власий – духовник Пафнутьева Боровского монастыря.

Его гнали, преследовали, убивали. Однажды, когда он уже служил в Калужской епархии, грабители забрались в храм и разбили ему голову монтировкой. Это были грабители храмов, они не хотели оставлять в живых свидетеля и били наверняка. Но скуфейка на его голове смягчила удар, и монтировка остановилась в миллиметре от мозга. Ему сделали сложную операцию, вшили в голову пластину, он долго лежал в больнице и выжил. А потом у него нашли рак. Провели шесть сложных операций. По прогнозам врачей, он должен был умереть. А он уехал на Афон и шесть лет молился в затворе в Ватопедском монастыре, где есть чудотворная икона Пресвятой Богородицы «Всецарица» (Пантанасса), которой молятся при онкологии.

Есть история о том, что, когда Афанасий Великий хотел уходить с Афона, Матерь Божия явила чудо – ударила по скале, и из этого места забил святой источник. Он есть там и сейчас. В этой воде отец Власий купался и пил ее. Спустя шесть лет во время службы в храме он вдруг почувствовал, что все вокруг словно засверкало. Потом врачи сказали, что метастазы прекратили распространяться. После этого он вернулся в Россию, в свой родной Пафнутьев Боровский монастырь, где снова стал принимать людей.

В свои восемьдесят два года отец Власий просто светится от счастья и очень похож на солнце, потому что рядом с ним тепло, светло и радостно на душе. Радость сопровождает его повсюду, как теплое одеяло. Как-то раз захожу в алтарь, а там один батюшка-игумен стоит грустный, голову повесил. Заходит отец Власий. Он как печального батюшку увидел, подошел к нему, схватил в охапку, поднял, хорошенько потряс и как рявкнет: «Ну-ка, не смей мне унывать! Ну-ка, быстренько прекращай! Мы же сейчас Богу служить будем – а ты грустный!» Поцеловал троекратно и к сердцу прижал крепко-крепко. Надо было видеть радостные глаза этого игумена, который потом служил как в последний раз!

Рядом с батюшкой люди преображаются. Ты просто смотришь на него – и уже хорошо. Слышишь его молитву – и понимаешь, что жив Господь и ничего не пропало.

Он любит монастырь трогательно и самозабвенно. Надо видеть, с какой радостью и благоговением он прикладывается к монастырским святыням! Преподобный отче Пафнутие, моли Бога о нас! Разве может он тихо и теплохладно служить Богу, Который есть Любовь, Свет и Радость? Этот старый монах с большими добрыми глазами знает, как любит нас Господь. И все вокруг это чувствуют.

Отец Власий с прихожанами

На людей он смотрит как на Адама и Еву в раю. Сквозь грязь, копоть, проказу грехов он видит неповторимый образ Божий и радостно, уверенно начинает его расчищать. Иногда это совершается в одно мгновение. Вот он только начал говорить с совершенно незнакомым человеком, и вдруг с тем что-то происходит – человек меняется прямо на глазах, расправляет плечи, начинает улыбаться. Еще минуту назад он был потерянным, унылым и одиноким, а сейчас – радостный и счастливый.

К отцу Власию приезжают из Лондона и Тибета, из Малоярославца и с Сахалина. Православные и неправославные. Верующие и неверующие. Простые и не очень. Как-то раз я сопровождал к нему первого помощника председателя ОБСЕ, специально прилетевшего в Москву, чтобы переговорить с русским духовником. И тот его принял как всех, кто приходит к нему. В дни приема келья отца Власия открыта с четырех утра до девяти вечера каждый день. И когда он служит, то принимает людей на исповедь с открытия монастыря в пять утра. Вот уже сорок пять лет подряд.

О блаженной матушке Матроне я впервые узнал тоже от своего духовника. Когда отец Андрей Кураев писал умные красивые статьи, где по пунктам объяснял, почему эту безграмотную, «недуховную», «неправильную» «Матронушку», совершающую «неправильные» чудеса и исцеления, Русская Православная Церковь никогда не причислит к лику святых, батюшка Власий раздавал у себя в келье иконки и книжки с ее жизнеописанием и говорил, что блаженная Матрона – наша великая святая. За свое смирение и веру, говорил нам отец Власий, матушка Матрона получила от Бога великое дерзновение вымаливать у Господа скорую помощь всякому, кто приходит к ней с верой...

Однажды после службы я сопровождал батюшку до кельи. Когда он вышел из алтаря, его, как обычно, окружили люди, стали благословляться, задавать вопросы. И вдруг одна женщина спрашивает: «Батюшка! А можно мне с вами сфотографироваться?» Только я собрался строго на нее посмотреть, как батюшка улыбнулся и неожиданно для нас отвечает: «Можно!» Затем другая, третья. Отец Власий покорно стоял и улыбался, как медведь на ярмарке, а люди подходили и делали с ним селфи. Потом по дороге в келью, встретив мой недоуменный взгляд,

батюшка мягко хлопнул меня ладонью по лбу и сказал: «Любить надо людей, Дионисий! Жалеть их! Нам их с тобой Бог послал!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.